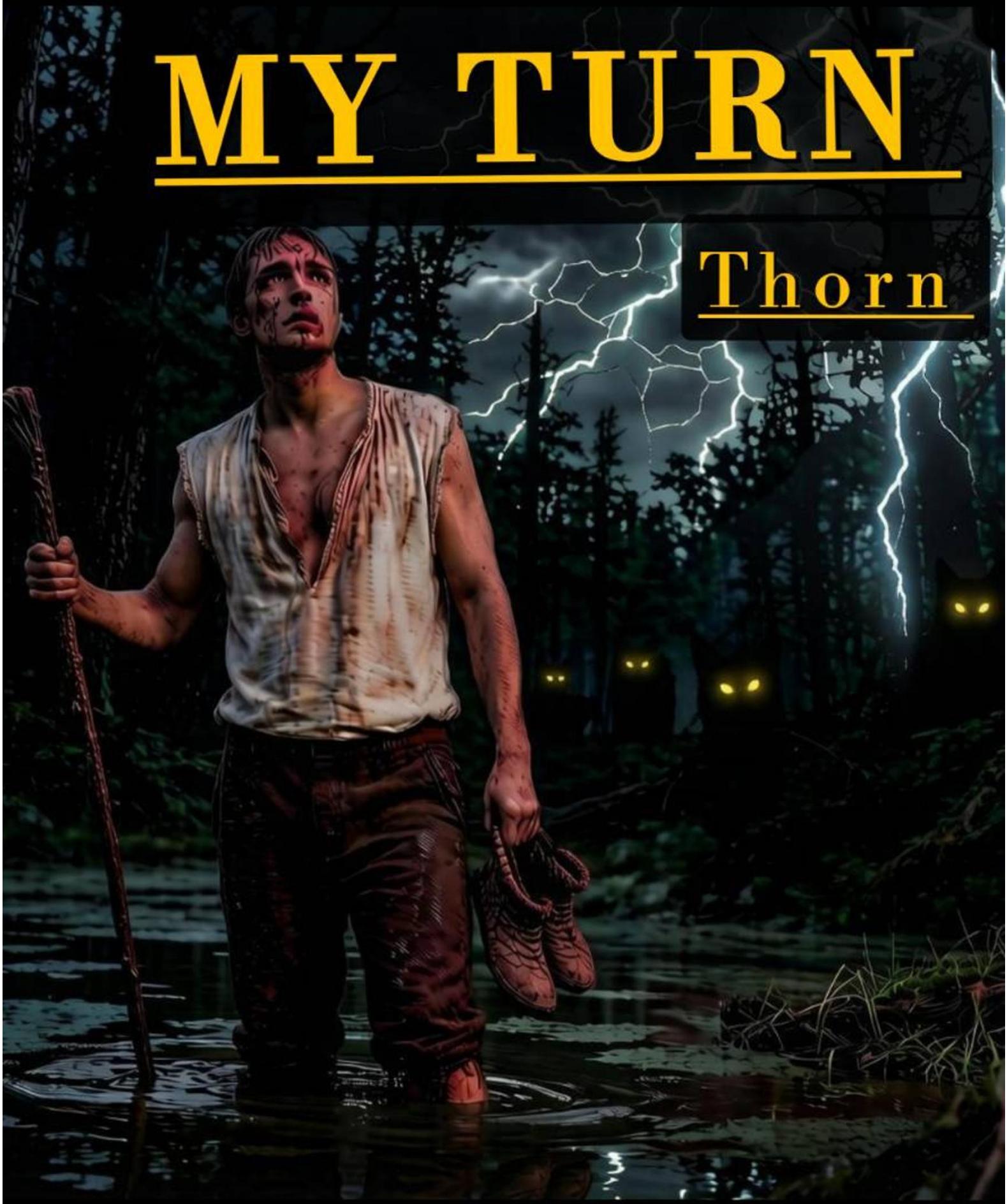
MY TURN

Thorn

Никита Вяткин

My turn. Thorn

«Автор»
2026

Вяткин Н.

My turn. Thorn / Н. Вяткин — «Автор», 2026

Наша память — идеальная ловушка. Сможешь ли ты доказать, что весь мир вокруг не был создан в прошлую пятницу?Олег, обычный городской инженер, приходит в себя посреди зловещего болота. Он заперт в теле огромного, чужого воина, его собственная память стёрта на год, а вокруг простирается суровое средневековье. Миром здесь правит бессмертный Орден, чьи карающие боевые маги способны в одиночку стирать с лица земли целые армии.У Олега нет магического дара. Местная кастовая иерархия сил считает его абсолютным нулем. Но у него есть то, чего этот мир ещё не видел: законы физики, сопромат, баллистика и пружинная сталь.За ним уже идёт охота. На заставах жгут факелы, а из предрассветного тумана бесшумно выходит Тот, чьё имя боятся произносить даже короли. Но отступать некуда. Пришла его очередь делать ход.

© Вяткин Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Откройте, мы свои. 5
Глава 2. Заходите, гости дорогие. 10
Глава 3. Один выход. 14
Глава 4. Эльфы, судьи два стола. 18
Глава 5. Чем больше сила, тем меньше спорят. 22
Глава 6. Тень кроны. 26
Глава 7. Чудовище. 30
Глава 8. Трое из одиннадцати. 33
Глава 9. Тот, кто боролся с небом. 37
Глава 10. Огонёк 40
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Никита Вяткин
My turn. Thorn

Глава 1. Откройте, мы свои.

«Лягушки. Как же громко они орут. Это мне ещё снится или уже нет? Кто-нибудь, выключите этот гвалт». Мысль проносилась в подсознании, потому что сознание увязло в тёмной вязкой субстанции, похожей на сон, и всё не могло вырваться. Только этот гомон чёртовых земноводных пробивался сквозь все преграды. И это злило. Ярость нарастала, как огромная волна: ещё миг — и она ударится о берег, разгоняясь, становясь всё больше. Всё надоело.

— Да замолчите вы уже, тупые головастики! — прокричал в ярости Олег, пытаясь приподняться на руках.

Но что-то его держало. «Что за непонятный холод? Что меня сковало?» Эти мгновения до того, как он окончательно открыл глаза, были просто ужасны. Он не то что успел испугаться — ужас пробрался прямо внутрь груди и поселился там, передавая свой могильный холод. И Олег закричал теперь уже от страха. Он распахнул веки, но как будто ничего не изменилось.

Сердце просто взбесилось. Оно словно прыгало по всей груди и пыталось сломать рёбра. Его безумная скачка отдавалась в ушах. В висках стучало. В горле пересохло. Он хотел вдохнуть — и не мог. Воздух не шёл. Или шёл, но не туда. Не в лёгкие. Куда-то мимо.

«Я умру. Я в аду. Я уже мёртв», — проносилось в голове вихрем.

Но ужас дал какую-то неестественную силу. Как будто тело не хотело умирать и выдало карт-бланш на все ресурсы организма: пара рывков корпусом — и с громким плеском освободилась правая рука, которая тут же упёрлась во что-то твёрдое рядом с головой. Ещё движение — и левая свободна. Теперь можно наконец занять вертикальное положение. Маленькая победа и то, что он теперь стоял, немного приглушили панику. Олег почувствовал: кости целы, с телом всё в порядке, нигде ничего не болит, — и успокоился ещё немного. Истерика прошла, но страх оставался. Мозг очнулся и начал думать.

«Вокруг что-то холодное, вроде вода. Пахнет прелой травой, мхом и застоявшейся жижей. Добавим лягушек... Конечно же, это болото. Но твёрдая кочка где-то впереди. Я лежал на ней головой, я опирался на неё вначале».

Пока Олег пребывал в задумчивости, он заметил, что странный холод взбирается всё выше по его телу и уже находится в районе пояса. Осознание пришло быстро, но казалось, что время растянулось.

Вытянув руки и судорожно ими размахивая, потихоньку наклоняясь вперёд, он наконец нащупал то, что искал, — кочку. Это был первый радостный момент за сегодня, учитывая, что недавно он испытал ужас, какого за всю жизнь не знал. Настоящая, очень тёплая радость, но недолгая.

Олег шарил по земле дальше — дошёл до места, где твердь кончалась и начиналась холодная водная ловушка болота, нащупал какой-то корень. «Удача второй раз за день», — мелькнуло в голове, пока он изо всех сил тянул себя вверх, прочь из липкого плена.

Примерно через десять минут пленник болота стал свободным. Однако потратил столько сил, что просто рухнул на кочку — это расплата за то, что организм работал на полную мощность. Уже нет сил бояться. С этими мыслями Олег ушёл обратно в забытьё.

Опять это кваканье. Снова накатывает злость, но не успевает достигнуть критической точки — Олег проснулся быстрее и едва успел подумать, что уже ненавидит этих лягушек. Да и вообще, кто их любит? Только французы. Он улыбнулся от этой нехитрой шутки, мимоходом

отметив, как же хорошо иметь чувство юмора. А пока это всё крутилось в голове, сама голова тоже крутилась.

Олег осознал, что теперь он в ещё одной западне. Вокруг болото — небольшое, размером с половину футбольного поля. А там, где оно кончается, начинается густой лес. Сам Олег находится не прямо посередине, а ближе к краю, но всё равно до него ещё метров пятнадцать.

Нужно как-то выбираться. С погодой повезло — тёплый летний день, солнышко пока ещё ласково светит, хотя в полдень будет адская жара, тут, как говорится, «к бабке не ходи».

Он приподнялся на локтях. Тело ныло, руки дрожали. Рубаха мокрая, тяжёлая, липнет к коже. Штаны — хоть выжимай. Сапоги отсутствуют. Главное — конечности на месте, и голова хоть кружится, но думает.

Мокрый Олег наконец-то сел, затем встал после недолгой паузы, словно проверял, хватит ли сил ему вообще. Удивительно — сил не то чтобы хватало, а стало больше, чем он помнил. Больше, чем было до того, как он тут оказался.

«Странный эффект», — подумал Олег, разминая суставы, проверяя ощущения. Нужно выбираться. Рядом дерево — сухое, старое, кривое, как из фильма ужасов. Это оно протянуло утопающему свой корень. Теперь ему пришлось пожертвовать и веткой.

— Вот спасибо тебе, — сказал спасённый, подгоняя сук, которым он собирался прощупывать болото.

Прошло минут пятнадцать по ощущениям. Продвижение шло медленно, но уверенно. Тут лучше не спешить, решил Олег и был прав. Холодная вода заливала его до половины бедра, ноги уже были ватные и сильно промёрзли — это подмывало рвануть вперёд. Словно болото пыталось заставить совершить ошибку, поторопиться. Но Олег сдерживал порывы, сила воли напряжена до предела, как плечи лука перед выстрелом. Вот уже до берега пара шагов — и он не выдержал — бросился на ближайшую кочку. Ровная зелёная трава на ней говорила путнику: «Наступай на меня, я помогу, я поддержу». Но это был обман — просто слой зелени над чёрной водой. И западня сработала — Олег провалился по грудь в ледяную жижу. Дыхание спёрло, импровизированная трость улетела куда-то, а руки машинально раскинулись в стороны. Ноги застряли в чём-то вязком, и от неожиданности накрыла паника, но лишь на мгновение.

— Успокойся, успокойся, главное — не паниковать, — шептали губы каким-то не своим голосом. — Ладони на край сплавины — он обрывается. Схватился за осоку — она держит. Тянуть опасно: перенос веса на одну сторону, другой ногой болтаем, освобождая от ила, и потихоньку вытягиваем.

Так, шаг за шагом, он вытаскивал себя из трясины, упал на твёрдую землю спиной и попытался отдышаться, а потом тихо засмеялся от облегчения.

Полежав, пока дыхание не восстановилось, он сел, опершись на руки, и посмотрел вокруг. Ничего нового не было — всё тот же густой лес окружал его, и болото впереди, а за ним опять чаща. Солнце уже высоко. В какую сторону двигаться — непонятно.

По солнцу определив стороны света, Олег понял только то, что ситуация яснее не стала. Он слышал, что потерявшимся в лесу лучше оставаться на месте — так их быстрее найдёт поисковый отряд. Тем более на самом болоте деревьев было очень мало. «Такая проплешина среди леса, какая появляется у офисных начальников годам к сорока пяти на голове». Олег усмехнулся.

Просто сидеть без дела было скучно, поэтому Олег собрал валявшиеся неподалёку ветки для костра — чтобы его было видно с воздуха.

После очередной неудачной попытки добыть искру горе-выживальщик выругался, припомнив чью-то мать, плюнул в болото и задумался, сидя на траве под деревом.

«Хочется пить, хочется есть. Ну хоть вещи уже подсохли. Кстати, а что вообще за лохмотья на мне?» Тут Олег впервые за всё это время обратил внимание на себя: ноги босые —

ладно, обувь могла остаться в трясине, но как объяснить эти несуразные штаны из непонятного материала, похожего на шерсть под толстым слоем засохшей грязи, и рубаху из льна?

«Что за тряпьё? У меня такого точно не было никогда. А руки... у меня разве такие были руки? Мои-то были тростинками по сравнению с этими брёвнами!»

Олег вскочил, глядя на свои кисти и предплечья, поворачивая их то одной стороной, то другой.«Да ну бред, не может быть такого. Это не я. А кто? Откуда такие мышцы, откуда такое тело?» Он задрал рубаху и ахнул от удивления. «Да это тело какого-то гладиатора! Стоп, чему я радуюсь? А моё где?»

С этими словами «новоиспечённый атлет» взглянул на водную гладь. Видно было плохо.

«Это точно не моё лицо. Волосы слишком светлые, борода... вообще ничего нет похожего».

Мозг заработал на полную мощность, лихорадочно перебирая осколки прошлой жизни: учёба в институте, череда сменяющих друг друга работ, девушки, клубы, редкие отпуска и, наконец, однушка в ипотеку.

«Последнее, что помню, — это как я доделал простенькую модель в программе. Или это была не последняя? Предпоследняя? Или потом было ещё две?» Все дни сливались в одну сплошную аморфную массу, и невозможно было понять, какой из них был в конце.

Олег осел на землю, взялся руками за голову и сжал её, словно это помогало ему вспоминать.

«Да что здесь происходит?» — подумал он, попутно прикидывая, что в лесу последний раз был года два назад, когда ходил за грибами. А может быть, и три года прошло. Уверенности ноль.

«Нет, ждать нельзя. Тут творится какая-то чертовщина».

Страх снова начал выходить на первый план, как будто только и ждал момента — подглядывал из-за спин сосредоточенности и задумчивости. Он потихоньку наполнял всё его существо, и Олег рывками бросился к самому высокому дереву поблизости.

«Нужно осмотреться», — подумал он и начал судорожно взбираться наверх, двигаясь рывками из-за охватившего его ужаса. Больше всего Олег боялся сверхъестественного. Конечно, раньше такие страшилки только смешили, но как сомневаться теперь, после всего, что произошло?

Сидя на самой вершине, Олег почувствовал, что паника опять отступает. Как будто бабайка не достанет его теперь. Смешно. Однако работает.

Теперь можно увидеть всё болото целиком и местами лес. Так вот, на противоположном краю болота видно сочную зелёную траву — явно зеленее, чем всё остальное. Болото едва заметно стекало в ручей на востоке, снизу этого было не видно. К тому же на северо-западе виднелись горы. А вода не течёт вверх.

Олег спустился вниз с новой информацией и планом действий: добраться до притока — возможно, там есть питьевая вода. Найти сток и идти вдоль него. Он приведёт к реке, а река — к людям.

«Осталось раздобыть где-нибудь обувь. Хотя это не проблема, пойду так», — решил босоногий здоровяк.

Пяти минут ходьбы по коварному краю болота хватило, чтобы Олег зашипел от боли и рухнул на землю, разглядывая разодранную ногу и сильно ругая местные коряги, пни и колючки.

«Всё-таки это проблема», — понял Олег, вспоминая передачу о том, как легко двухлитровые пластиковые бутылки из-под газировки превращаются в изящные тапки. Нюанс только в том, что бутылок не было. А других передач про самодельную обувь он не смотрел.

«Кроме коры ничего в голову не идёт. Попробую для начала её».

Он набрал коры. Были только куски, которые подходили по размеру. Со стороны было похоже, будто нищий несёт кучу какого-то тряпья. Грязные шерстяные штаны и грубая льняная рубаха дополняли образ.

Олег начал осматривать каждый кусок: мял, гнул, тянул. Всё не то — рвётся, крошится, слишком жёсткий. Но через несколько минут нашлась подходящая парочка, а потом ещё.

«Осталось найти верёвку. Или что тут вместо неё.»

Ещё немного пошарив вокруг, местный рукодельник насобирал кучу того, что могло бы подойти на замену. В ход шло всё: стебли крапивы, какие-то тонкие прутья, длинные корни, вылезшие из земли у старого пня. Он не знал, что из этого сработает.

Лучше всего себя показали размятые стебли крапивы. Немного времени, чуть мха для мягкости, куски коры, плотно примотанные к ступням чем-то отдалённо напоминающим путы, — и обувь готова. Если это вообще можно так назвать.

«Отлично», — обрадовался Олег, вспоминая, как бабушка учила его рвать крапиву, чтобы она не жалила. Воспоминания нахлынули на него: лето у родственников в деревне, сенокос, речка, как мастерили удочки, как делали ловушки на сусликов. Вот и пригодились уроки.

Он отправился в сторону притока. Путь был недолгий.

«И как я сразу не додумался до такого?» — думал болотный сапожник, сидя у небольшого родника, питающего болото, и осматривая своё творение, защищавшее теперь его ступни.

Родник был чистый. Олег сразу утолил жажду — он даже не понимал, что так сильно хотел пить. Теперь нужно придумать, во что бы набрать воды. Ничего не сообразив, он решил просто напиться сразу на два дня вперёд. Пил, пока в животе не забулькало. Потом умылся и выпил добавки.

«Неизвестно, когда ещё встретится чистая вода», — с этими мыслями он отправился в сторону стока — восточного края болота.

Добрался без происшествий, уже наученный прошлыми неудачами. Из болота вытекал небольшой ручей.

«Он выведет меня к реке», — с этой мысли начался путь вдоль ориентира.

Голодный, холодный и уставший, он шёл вдоль этого русла, уже перестав отмахиваться от назойливых насекомых, потому что это бесполезно. Вокруг был густой лес, яркий, зелёный, сочный, как на картинке, и в другой ситуации Олег бы им любовался, но не сейчас.

Через некоторое время — нельзя точно сказать, сколько, но солнце уже клонилось к закату — двигаясь вдоль ручья, Олег услышал шум реки. Не тихое журчание — гул и шипение, в котором чувствовалась мощь и сила природы. Казалось, впереди водопад.

Как только он подошёл ближе, ему открылся вид на горную реку, протекающую посреди густого леса. Быстрый поток стремительно убегал вдаль, ударяясь о камни и взбивая пену.

«Экстремалы на такой сплав в очередь, наверное, выстраиваются», — подумал потерявшийся инженер, присаживаясь на берегу.

«Если есть река, то должны быть и люди где-то дальше вниз по течению.»

С этими мыслями Олег двинулся вдоль реки. Тем временем уже почти зашло солнце.

Он шагал, пока мог различать что-то впереди. Но теперь было не видно даже собственной руки. Только поток слева продолжал блистать в лунном свете, словно состоял из серебра.

«Нужно взобраться на дерево, потом...» — мысли были прерваны низким рычанием и парой светящихся жёлтых глаз.

Олег оторопел. Жуть поднялась до горла и сжала его. Появилось ещё несколько глаз. Они медленно стали приближаться.«Лучше утону, чем меня разорвут эти твари», — решение моментальное — и Олег сиганул в реку.

Полёт — и вода с плеском принимает человека, мгновенно охлаждая его горячую кровь. Воздух застрял на выходе. Бурная река подхватила его тело и понесла прочь от этих жутких

созданий. Она была немногим лучше: то затягивала вниз, погружая с головой, пытаясь утопить на каждом пороге, то стремилась расшибить о камень.

Олег боролся за жизнь, выныривал, жадно хватая воздух ртом, пытался уворачиваться от камней. Мышцы уже сводило от холода и напряжения, они болели и не слушались. Боль в плече напоминала о том, что не от всех глыб получилось отклониться.

Олег плыл по течению, но старался потихоньку приближаться к берегу, корректируя курс. Всё шло не сказать что хорошо, но стало понятно, что всегда может быть ещё хуже, когда он увидел, что через секунду врежется в кусок скалы, торчащей из воды.

Олег грёб своими онемевшими руками как мог, но времени было слишком мало. Руки инстинктивно вылетели вперёд, гася энергию удара, но этого не хватило — они согнулись от столкновения. Ладони почувствовали боль и жжение, а потом лицо встретилось с камнем. Послышался глухой удар. В голове загудело. В глазах на секунду стало темно. Всё вокруг кружилось, и сильно захотелось спать. Но нельзя.

«Нельзя, нельзя, нельзя засыпать», — думал Олег, пытаясь снова выровнять крутящееся в потоке тело, но уже ничего не понимал. Боролся по привычке, машинально.

«Всё, это конец. Хватит. Я устал».

Сознание начало покидать его. Края темнели. Он видел всё меньше. Веки потяжелели.

И тут — удар по спине. Сознание резко вернулось, морок отступил, но не до конца. Шум воды стал тише и спокойнее, превратился в тихое журчание. Течение ослабло и вынесло его на отмель.

«Я буду жить», — подумал Олег. А потом понял, что к привычному шуму добавилось что-то давно знакомое. Это же голоса. Голоса людей. Только слова непонятные.

«Я спасён».

Испытывая такую великую радость, он забыл все невзгоды, как будто сразу исцелился, и бросился в сторону огней. Те, судя по всему, что-то праздновали на берегу: пели, пили, ели и танцевали, освещённые бликами костра и факелов.

Олег подошёл довольно близко, оставаясь незамеченным. Но как только он вышел на освещённый участок, все танцующие и ещё недавно весёлые люди побежали прочь. Некоторые начали кричать. Женщины вопили так, как будто увидели крысу человеческого размера. А мужчины бросились к столу и похватали «оружие» — кто что успел: кто-то табурет, кто-то вилку, кто-то нож. Они выкрикивали фразы на непонятном языке, да и сами были какие-то бледные и странные.

Олег попытался сказать что-то мягкое и доброе, поделиться той тёплой радостью, что он испытал, встретив первых людей за такое долгое время. Но звучал он примерно так:

— Сфасшфп тпршфш хэххшф.

Он видел их испуганные лица, он хотел, чтобы его поняли, поняли, что он не чудовище, но разбитые губы, онемевшие мышцы лица и тело после переохлаждения не оставили шансов на нормальный диалог. Осознание этого добило и так еле державшегося Олега, и он просто рухнул, как мешок картошки. Сознание выключили, словно телевизор из розетки.

Глава 2. Заходите, гости дорогие.

Запах трав, какой-то мятный, пряный и очень приятный — первое, что почувствовал Олег перед пробуждением. Следом яркий свет хлынул в только открывшиеся глаза — пришлось зажмуриться. В попытках что-то разглядеть и не ослепнуть с непривычки до него дошло, что вокруг удивительно тихо.

«Давно я не слышал такой звенящей тишины», — хотел прошептать Олег, но губы не слушались, как будто их пропитали лидокаином, а лицо словно стянуто каким-то скотчем и надуто. Боль не чувствовалась, только дискомфорт. Бывший «речной монстр» потрогал своё лицо рукой — местами оно перевязано то ли бинтом, то ли тряпкой, губы покрыты, скорее всего, мёдом, может, каким-то аналогом. Понятно только то, что его кто-то сюда принёс и обработал раны.

«Жив, снова жив», — радостно пронеслось в голове.

Тем временем глаза привыкли и начали различать светлую комнату с высокими потолками. Выглядело помещение странно, никаких резких углов. Стены как будто живое дерево, небольшие круглые окна, казалось, выросли прямо вместе с ними. Странный очаг, сложенный из камня, скреплённого глиной, с такой же глиняной трубой; рядом аккуратно лежат дрова. Деревянный пол, устланный шкурами животных, на котором разместился стол из поперечного слэба очень большого дерева с ножками из костей, похоже, крупного животного.

У стульев за основу взяты огромные рога, между ними сиденье и спинка, плетёные из ремней, неподалёку плетёный сундук из лозы. На стенах деревянные полки со всякой всячиной. А у самого потолка висят пучки каких-то трав, источающие приятный аромат мяты, чабреца и ещё чего-то, что смешивается с запахом костра, смолы, приглушённых древесных нот и немного мха — того, что выглядывает по краям и излучает слабое свечение.

В целом впечатление очень необычное. Олег такого точно никогда не видел, кроме округлой деревянной двери, напоминавшей о хоббите из одного известного фильма, только она не совсем круглая — овальная. В комнате больше никого, хозяин хоть и отсутствует, но про спасённого не забыл — на столе стоит ещё тёплая глубокая глиняная чаша с тушёным мясом и овощами, рядом деревянная ложка и маленькая булка хлеба.

«Как же хочется есть», — подумал Олег, чувствуя спиной прилипший желудок, который яростно начал урчать, требуя еду. Он, голодавший уже как минимум сутки, набросился на жаркое, которое было таким наваристым и вкусным, что едок через раз забывал дышать и не замечал боли в распухших губах. Закончив трапезу, он ощутил расслабление и даже лёгкое головокружение, поэтому поспешил прилечь обратно на кровать.

Кровать была массивная, словно из дуба или другого очень плотного дерева, сверху шкуры, под ними что-то вроде матраса из трав и соломы — мягко и пахнет приятно. Тепло разлилось по телу, и сон снова сморил Олега.

Следующее пробуждение было резким, словно сознание вырвали из сна. Наверное, тело почувствовало чьё-то присутствие в комнате. Олег не стал сразу вскакивать с кровати, он вообще не пошевелил ни одной мышцей тела, только глаза осматривали обстановку вокруг. Что-то изменилось с прошлого раза — из мутных окон уже не лился тот желтовато-янтарный свет, и ощущалось чьё-то присутствие. На улице, предположительно, был поздний вечер. Комната освещалась только огнём из очага и мхом, который, казалось, стал светиться намного ярче своим голубоватым светом. Мысли, как рой потревоженных пчёл, замелькали, загудели, полетели одна за другой.

«Кто здесь? Зачем я им нужен? Кто вообще может жить в таком доме?» — и ещё очень много разных дум посетило его голову. Было очень интересно узнать ответы, пусть не на все,

на пару основных вопросов, но неизвестность пугала, холодный страх был не меньше любопытства.

«Нужно незаметно осмотреться», — решил Олег.

Он лежал на спине. Всё, что попадало в поле зрения, парень уже изучил, а справа высилась лишь глухая стена. Чтобы продолжить исследование, требовалось повернуть голову.

Аккуратно, стараясь не всколыхнуть даже воздух, Олег повернул голову влево и встретился взглядом с кем-то, очень напоминающим человека, хотя было сразу понятно – это не так.

Глаза существа были кошачьими, янтарными. Казалось, они слегка светятся в темноте, словно угли, а вертикальный зрачок практически разделял радужку напополам. Тонкая кожа казалась бледной, почти белой, а точёное лицо будто высекли из безупречного мрамора. В этой красоте сквозило двойственное начало: тонкое изящество губ и носа в сочетании с острыми скулами и мощными надбровными дугами делало лик одновременно мужским и женским. Длинные, почти белые волосы окончательно сбили Олега с толку. Он попросту перестал понимать, кто перед ним — мужчина или женщина.

Незнакомец сидел на стуле прямо напротив. Не отводя пристального, светящегося взгляда, он негромко произнёс:

— Why do you stare? And why pretend sleep?

Эта фраза сбросила напряжение с Олега, готового закричать от страха. Он отвлёкся от происходящего на свои процессы внутри головы и после мгновения задумчивости понял, что это существо говорило по-английски, произношение слов было странным, но это точно был тот самый язык, который учили в школах и институтах в России. Только сейчас Олег обратил внимание на уши существа — заострённые, как у типичного эльфа.

«Да что тут вообще происходит? — подумал Олег. — Это, наверное, какой-то розыгрыш».

Он резко встал с кровати и начал ходить возле стен, глядя куда-то в потолок и размахивая руками:

— Fine, fine. Nice prank. Всё, финита ля комедия. Выходите, я всё понял, — выкрикивал Олег.

— А ты что сидишь? Снимай парик, я тебя узнал, — сказал Олег, обращаясь к эльфу, и потрепал его по плечу.

Это, видимо, было уже слишком, потому что эльф резко сбил левую руку Олега с плеча, перехватил её и потянул на себя. От неожиданности человек начал заваливаться вперёд, чем и воспользовался его оппонент — он упал вместе со стулом на спину, уперевшись ногами в живот, и, когда лопатки коснулись пола, резко распрямил ноги, отправляя Олега в полёт. Пока здоровяк летел, эльф успел сделать кувырок, встать, достать с пояса кинжал и броситься на оппонента.

У Олега была всего секунда после того, как он врезался спиной в стену, и ему её хватило — он встал на согнутые руки вниз головой и, резко оттолкнувшись от пола, полетел вверх тормашками, пытаясь ударить нападающего пяткой в грудь. Эльф увернулся и полоснул кинжалом по правому боку Олега, оставляя глубокую рану и рассекая мышцы. Правая сторона торса была словно в огне, но боли не было, или просто она не чувствовалась из-за адреналина.

Под рукой оказался стул, и здоровяк им воспользовался — как дубиной махнул в сторону эльфа, но тот легко отпрыгнул, разрывая дистанцию. Тогда Олег швырнул в противника это костяное сиденье и тут же схватил второе, которое стояло неподалёку, а свободной рукой взял дубину из поленницы. Эльф без труда увернулся от летящего предмета и вновь бросился на своего в атаку.

Второй стул полетел в остроухого, ему пришлось уйти вбок, прямо под заготовленный здоровяком прием — левая рука, держащая полено, уже завершала размашистый удар, целясь в центр корпуса эльфа — увернуться нереально, но не тут-то было: этот кошкоглазый изогнулся

в неестественной позе, как будто танцевал лимбо, но всё же смог избежать удара. Из такого положения выпрямиться эльф уже не успел — прямой пинок Олега отправил его навстречу с дверью. Дверь открывалась наружу и была не заперта, поэтому остроухий вывалился на улицу.

«Да что это за нечеловеческая скорость реакции? Он намного быстрее меня, нужен план», — подумал Олег и, довооружившись ещё одной дубиной, выскочил на улицу. Остроухий уже встал в боевую стойку. Олег резко сократил дистанцию и правой рукой сделал взмах слева направо, параллельно горизонту. Он знал, что эльф уклонится, поэтому левая рука уже завершала вертикальный удар, но и он не достиг цели — эльф сделал подшаг в сторону, теперь остроухий стоял четко левым боком, как раз то, что было нужно для подсечки, от которой эльф упал, прокрутившись в воздухе почти на сто восемьдесят градусов.

Бой прервала стража — такие же эльфы, только в странных доспехах и с удивительными копьями, которые, казалось, излучали лёгкое свечение. Олег бросил своё нелепое оружие и разглядывал эльфов, столпившихся вокруг, — высокие, стройные, но жилистые. Они были выше Олега на полголовы — примерно два метра ростом. У всех были такие же андрогинные лица, как у недавнего противника, которого один из стражников уже поднимал с земли.

За силуэтами окруживших Олега эльфов виднелся целый эльфийский мир. От такого зрелища парень забыл выдохнуть, а его рот непроизвольно открылся. Огромные, вековые деревья — нет, наверное, даже многовековые. Самые толстые стволы не смогли бы обнять и десять человек, взявшихся за руки; в них спокойно можно было бы прорубить двухполосный тоннель для грузовых автомобилей. Кроны деревьев, казалось, подпирали ночное небо, почти полностью перекрывая звёзды.

И прямо внутри этих исполинов на разной высоте располагались дома. Те, что находились на уровне второго этажа и выше, соединялись подвесными деревянными мостиками и имели просторные веранды. Те, что были на первых этажах — как тот, из которого они выскочили, — были просто с дверью, ведущей на улицу, без крыльца и других излишеств.

«Что это за деревья?» — Олег судорожно перебирал в памяти названия земной флоры, но на ум приходили только американские секвойи.

Казалось, несколько тысяч эльфов точно живут в этом городе на деревьях. Этот масштаб и величие убедили Олега, что это всё не глупый розыгрыш, а реальность. Зажгло лёгкие, и он вспомнил — нужно выдохнуть. Выдохнул тяжело и громко, а потом вскрикнул от боли и схватился за распоротый бок. Боль накатила так, аж огоньки заплясали перед глазами. Вдох давался через мучения, поэтому Олег задышал неглубоко.

Один из стражей, стоявший напротив и ближе всего к Олегу, повернулся и сказал что-то тем, кто был позади него:

— Иса та утэ нядгаа!

Тут же один из них вышел из-за спины эльфийского командира и, приблизившись вплотную к Олегу, поднёс руки к ране в его боку:

— О на-наритин е-елум е-ехтон, са-сарорин Кхор-ва! Та ня-нядон нядгаа! Сейгаа и-иэсла, тая та-ахтаяит, номда но-ахномдаит, ахняпа иэсла! — произнёс он.

Олег увидел, как руки эльфа окутал светящийся янтарный туман, а потом словно потянулся тонкой струйкой к ране. В боку тянуло и жгло, потом всё утихло, словно и не было ничего. Олег поднял окровавленную рубаху — на месте раны был только свежий рубец. Он пощупал лицо, там все раны затянулись, опухоли спали. Это окончательно выбило здоровяка из колеи. Ноги подкосились, и мир поплыл, но его тут же подхватили и помогли устоять.

Эльф, тот, которого Олег определил как командира этого отряда, заговорил на своём странном английском:

— Рад, что ты очнулся, виера, но постарайся объяснить, что тут произошло. И помни, что от этого будет зависеть твоя судьба.

— Я не понимать... он просто атаковать меня... я защищать себя, — вспоминая уроки английского, проговорил Олег.

— Хорошо, раз ты знаешь всеобщий, значит, не совсем дикий. Сэв, подойди, — сказал командир, и, прорвав кольцо окружения, внутрь ступил тот, кто недавно напал на Олега. Он посмотрел со злостью и сказал:

— Ямпон, утэ са ма-маила хоёлари, талари то-таданит. Сэвин, утэ орденонин.

Стражники сразу напряглись. Некоторые положили ладони на рукояти мечей, а те, у кого были копья, взяли их двумя руками и направили остриями в сторону Олега. Командир выставил одну руку в сторону, как бы останавливая своих. Олег ничего не понял — только то, что он теперь враг в их глазах, и от этого ему стало страшно.

— Он сказал, что ты шпион Ордена. Здесь не любят орден, но ещё больше не любят шпионов. Мы всё равно узнаем правду. Говори как есть, — он сказал это на странном английском, но Олег понял.

— Я не быть шпион. Посмотрите на меня, я не выглядеть как шпион, — сказал Олег, разводя руки в стороны. Он потихоньку начал вспоминать английский, или, как его здесь называли, всеобщий.

— Задача шпиона и состоит в том, чтобы не выглядеть как шпион.

— Но я очень заметный для шпиона.

— В этом есть истина.

Командир призадумался, взвешивая все слова, а потом сказал:

— Такал нынит!

Стражи сразу убрали оружие и успокоились, а командир продолжил:

— Сейчас иди обратно в хижину, мы отправим к тебе другого стража. Сэвсар слишком молодой и горячий. Завтра все объяснишь старейшинам сам, они решат твою судьбу.

— Хорошо, — сказал Олег и задумался, что же делают эльфы со шпионами. По спине пробежал холод.

Глава 3. Один выход.

Олег вернулся в свою хижину-тюрьму после разговора со стражей.

«Наконец-то можно всё спокойно обдумать», — прозвучало в голове, пока он садился на кровать. Олег положил левую ладонь в правую, как делают при медитации, всем своим видом демонстрируя спокойствие и умиротворение. А через секунду взорвался — резко вскочив, здоровяк всплеснул руками:

— Да как же будешь тут спокойным! — громко сказал Олег, разговаривая сам с пустотой.

«Сначала болото хотело меня уничтожить, потом звери с адскими глазами, дальше эта тупая река — ненавижу её, ближе всех к моему убийству была именно она, гадина. Я теперь даже не знаю, что же мне ждать от этих ушастиков. Наверное, они меня обнимут и позовут дружить, да? Вот только один из них уже пытался всадить мне кинжал в бок».

Олег кое-что понял, и холодок пробежал по его спине. Он снял рубаху и посмотрел в полированную медную пластину, заменяющую зеркало. Свежий шрам на могучем боку недвусмысленно давал понять:

— Так если бы меня не подлечили, я был бы уже холодным трупом, валяющимся в луже собственной крови, — озвучил мысли Олег.

«Получается, эльфы опаснее всех на данный момент».

После этого Олег на секунду завис. Без мыслей, без движения, глядя словно сквозь пространство, в саму суть мироздания. Очнувшись, он встряхнул голову, пытаясь сбросить пелену, и принялся разглядывать своё новое, мощное тело, которое явно было не таким, каким он его помнил до пробуждения на болоте.

Руки без капли лишнего жира, сплошные бугры функциональных, плотных, выносливых мышц, выточенных годами тяжёлого труда. Широкие плечи. Торс — такому позавидовала бы статуя олимпийского атлета. Смесь шикарной генетической предрасположенности и упорных тренировок — только так можно объяснить это совершенство. Чётко очерченные квадраты и косые линии пресса, кажется, вырезаны из твёрдой породы камня, а у груди можно рассмотреть каждый пучок в отдельности. Под шерстяными штанами угадываются могучие ноги.

«Да что это такое, я не был мелким, но этот гигант как полтора меня, на вид килограмм сто двадцать чистой мощи», — неожиданно возникшая мысль отвлекла его от зеркала.

«Что завтра будет за разговор? Наверное, старейшины — это что-то вроде сената. Пригласят, будут спрашивать. Чёрт, чёрт, это же надо красиво сказать, чтобы меня оправдали присяжные. А будут присяжные вообще?»

Олег походил из стороны в сторону и направился к двери — там должен быть единственный эльф, с кем можно хотя бы попытаться поговорить. Он несколько раз тихонько ударил в дверь — тишина. Ударил сильнее. Послышался шорох и голос эльфа:

— Что тебе нужно, человек?

— Привет. Слушай, я понимаю, что, может быть, тебе нельзя, но не мог бы ты рассказать про старейшин?

— Нет.

— Может, тогда хоть воды дашь?

— Воды дам, — за дверью послышался шум, потом всё стихло, и эльф добавил: — Открой маленькое окошко справа от двери.

— Да, сейчас, — сказал Олег, осматривая стену. Там и правда была маленькая круглая створка размером с футбольный мяч, которую он отворил.

— Вот, потом вернёшь, — и в окошке показалась большая кружка, выдолбленная из цилиндрического куска древесины. Ручки не было, так что скорее это чатта или черепок, только больше.

— Спасибо, — сказал здоровяк, забирая эту посуду и делая два глотка. Пить он не сильно хотел, но стражника надо было разговорить.

— Не за что, вернуть не забудь.

— Да, я понял. Слушай, я же на самом деле ничего не помню, представляешь? Видно, ударился сильно, вот только реку и вас помню. А вдруг я и правда шпион... ну, был. Я ж сам не знаю, блин.

— Брешешь ведь.

— Я тебе жизнью клянусь!

— Ну, допустим, я тебе поверю, и что с того?

— Так вот я спросить хочу: что это за Орден такой, чьим шпионом меня записали?

— О-о, да ты и правда, похоже, все мозги себе отшиб. Даже здесь, в Великом лесу, знают, что за мерзость этот Орден, хоть сюда они и носа своего не суют — боятся.

— Да неужели? Получается, вы их не пускаете?

— Конечно. Ну ты спросил! Да кто их пустит в здравом уме? Это же маньяки, убийцы, ещё и колдуют свою скверную магию. Хабсвэвон, — последнее слово страж выплюнул со злостью и отвращением.

— Вы, значит, скрываетесь от них?

— Что-о?! Кто скрывает? Мы скрываемся? Да ты что вообще несёшь, люхкон? Ты думаешь, если харадла закрыта, то я не могу её пэдас и набить твоё сёит?

— Нет, нет, подожди, я не так выразился, я плохо знаю всеобщий. Про себя Олег улыбался: это именно тот эффект, который был нужен.

— Ам дич та ис ёэн мичин такаланит.

— Подожди, тебе же нельзя, — уже испугался Олег, увидев, что страж действительно собрался открыть дверь.

— Ну... это да, — ответил замерший на секунду эльф. Ключ уже был вставлен в замочную скважину.

— Я не так выразился. Как сказать... что вы пытаетесь сохранить это место?

— Защищаем, имеешь в виду?

— Да, точно, защищаете это место, этот лес. Но почему?

— Ну так и говори сразу.

— Я просто слово забыл, — тихонько засмеялся Олег, сбрасывая нервное напряжение. «Надо заканчивать игры в психолога-детектива», — подумал он.

— Прячетесь, — еле слышно прошептал остроухий. — Это место — наш дом уже больше тысячи лет, с тех пор, как духи сошли с неба на эту землю и благословили нас, детей луны.

— Это такое далёкое прошлое. А ваш город — это потрясающе, я ничего подобного никогда в жизни не видел. Какие могучие деревья, невероятно.

— Да, такое нигде больше не увидишь, только в Великом лесу, это дар духов Кхор-ва.

Страж говорил, не останавливаясь. Олегу оставалось лишь немного менять направление и подмечать нужное. Время летело за разговором. Хоть это и были в основном темы о быте и жизни эльфов, Олег очень много нового почерпнул для себя.

Будет ещё двое стражей, они меняются в течение ночи. Каждый дежурит по четыре часа. Время отмеряют специальными часами, похожими на песочные, но вместо сыпучего наполнителя в них прозрачная жидкость, которая как раз почти стекла из верхней сферы в нижнюю. Значит, они проболтали почти треть ночи.

Олег узнал, что находится в Рэнделе — городе эльфов на окраине Великого леса Лиэль. Решать его судьбу завтра будут избранные жребием горожане, а старейшины будут следить, чтобы всё было по правилам.

— Старейшин четверо, — сказал стражник. — По одному от каждого города. Рэндель, Тиэлон, Вельдр, Храм Лиэлун. Они следят, чтобы решения были равными для всех.

Наказание за шпионаж — смерть. Наказание за незаконное вторжение в лес зависело от того, было ли это умышленно. Если было случайно, то никакого наказания не будет. Если специально, то назначат обязательные работы, по-эльфийски — Ë-ëlin šu-šula, а звучит как «йэ-йэлин шу-шула». Интересно. Получается, вторжение нужно будет отработать, а потом тебя отпустят.

Но почему такая секретность и в чём смысл, если человек, зная про эльфов, просто уйдёт? Он же может рассказать то, что узнал. Эта мысль не давала покоя, и Олег не находил логических объяснений. Поэтому решил просто спросить.

Вопрос повис в тишине. Стражник не спешил отвечать. «Может, не услышал», — подумал Олег. Но потом собеседник вздохнул, так, будто он всё это время пытался понять, почему люди всегда задают этот вопрос.

— А кто поверит? — сказал он устало. — Ты придёшь в город. Скажешь: «Я был у эльфов. Они живут в деревьях. У них города. Они говорят на всеобщем». И что? Тебя сочтут сумасшедшим. Или пьяницей. Люди верят в эльфов, но как в духов, как в проклятия, как во что-то, что невозможно описать понятиями. Для них мы — словно сказка. Страшилка для детей. Так проще. И для нас. И для вас.

— А если я смогу убедить?

— Хорошо. Ну вот ты убедил какого-нибудь, даже лорда. Вы не сможете найти этот город, хотя он самый ближайший к людям. Духи вам просто не позволят приблизиться. Они уведут вас, запутают, и вы сгинете в чаще от голода, холода или зверей.

— А если всё-таки сможем, если найдём способ прорваться?

Стражник засмеялся от души, но быстро успокоился.

— А ты настойчивый, да? — успокаиваясь, спросил он. — Сможете. А зачем? Что вам даст то, что вы найдёте наши города? У нас нет богатств, по крайней мере тех, что вы считаете богатствами. Наши секретные знания не работают без духов. Вы не сможете вырастить простейший клинок без Кхор-ва. Вы не получите ничего. Вы просто погибнете. Лес поглотит вас, а мы ему поможем.

Он пожал плечами. Спокойно. Без злобы. Без гордости. Просто факт.

— Так что говори. Если хочешь. Нам всё равно.

Эльф замолчал. Разговор был окончен — уже приближался его сменщик. На вид второй стражник был намного моложе — лет восемнадцать. Но кто знает, как у них тут с возрастом. Может, ему лет сто пятьдесят. Этого Олег не знал. Да и не нужна ему сейчас такая информация.

Зачем знать, сколько живут эльфы, если тебя завтра собираются казнить? Времени мало. Как выкручиваться — непонятно. Крупицы информации ничего не дадут для того, чтобы выжить.

Второй стражник оказался совсем неразговорчивым. Он сказал одну фразу:

— Хаме тулила! — показал, что пьёт из воображаемой кружки, и протянул руку.

Олег не понял слов, но отдал кружку и попытался завести разговор на английском — или, как здесь его называли, на всеобщем. Ответ услышал на эльфийском:

— Ам унто ис, нендаон. Кэич луш унва!

Олег не понял ничего. И снова попытался — говоря на всеобщем, активно показывая жестами смысл фраз. Но был резко прерван злобным криком:

— Унва! — эльф злобно смотрел на заключённого.

Олег понял, что это значит что-то наподобие «заткнись». И заткнулся.

Этот ушастый совсем не похож на предыдущего. Может, хочет выслужиться?

Олег не заметил, как размышления о природе неразговорчивости нового стража наволокли сон на его натруженный мозг. Он просто прилёг — весь в раздумьях — на травяную кровать. А очнулся уже утром от того, что неизвестный одним пальцем стучал в дверь.

— Пэдас! Чо-чон тин ама, — доносилось из-за двери.

Олег встал, поправил рубаху, растёр ладонями лицо, чтобы окончательно отогнать сон, и пошёл открывать дверь.

На пороге стоял тот самый капитан стражи, уже знакомый после инцидента с дракой, и ещё двое, которых не было записано в памяти.

— Пришло время, но для начала... — сказал эльф, доставая широкую повязку из плотной ткани и завязывая человеку глаза, так, чтобы абсолютно ничего не было видно.

Наступила темнота. Олег только почувствовал, как его взяли за предплечья и повели в неизвестность. Казалось, что слух обострился. Вокруг слышались любопытные и издевательские, гневные и сочувствующие, весёлые и скучающие голоса эльфов. И было понятно, что все эти голоса говорят о нём.

Глава 4. Эльфы, судьи два стола.

Олег не понимал, долго они шли или нет, — как будто вместе со зрением у него забрали и чувство времени. Процессия наконец остановилась. Его отпустили, но плотная ткань до сих пор закрывала глаза. Сквозь темноту пробивался гомон эльфийских голосов. Каждый что-то говорил тихо, почти шёпотом. Но всё это, сливаясь, образовывало такой гул, словно кто-то потревожил улей диких пчёл и пчёлы эти были размером с человека.

Страха не было. Что странно. Ведь уже через мгновение будет решаться судьба Олега. Может, страх уступил место любопытству, может, какой-то необъяснимый эмоциональный фон давал ощущение спокойствия, а может, сердце уже устало бояться и наполнилось упрямой решительностью и верой в победу. Да и чем страх поможет? Вера — это последний бастион нашего духа. Так и живём.

«Чему быть, того не миновать», — подумал он.

И в этот же момент свет ударил в глаза. Повязку сняли. Инстинктивно прикрыв лицо, Олег сделал из ладони козырёк. И теперь смог разглядеть большую светлую залу. Он чувствовал себя актёром на сцене греческого театра. Всё вокруг состояло из мрамора.

Длинные ряды сидений располагались на разных уровнях — так, чтобы всем было видно место, где сейчас находился подсудимый. Рядов было по меньшей мере десять, и на каждом вмещалось эльфов по тридцать: пятнадцать слева и пятнадцать справа от прохода, разделявшего трибуны пополам.

Уровнем выше сцены, посередине ряда стоял длинный стол, высеченный из такого же светлого камня. За ним сидели четверо — старейшины, сразу догадался Олег. Ещё ниже располагалась судейская трибуна в три раза длиннее, занимавшая половину нижнего ряда. За ней сидели пятнадцать эльфов. «Присяжные», — вспомнил Олег ночной разговор со стражем и мысленно поблагодарил его за болтливость. В конце каждого ряда и по бокам столов замерли конвоиры.

Тишина. Только сейчас до Олега дошло, что затихли все. Примерно триста зрителей.

Один из старейшин встал. Это был седой эльф, умудрённый годами. Все взоры обратились на него. Он строго посмотрел на подсудимого и начал свою речь.

— Я — старейшина этого города, — сказал он. — Назови себя. Кто ты?

Его голос был тихим, но слышным каждому. В нём не было угрозы. В нём чувствовалось то ледяное спокойствие, которое исходит от человека, глубоко уверенного в своей правоте.

Олег немного растерялся, все английские слова, до этого копошившиеся в голове, разом вылетели. Поэтому ответил он не сразу:

— Меня зовут Томин Олег, — начал он.

А продолжил уже с того, как очнулся на болоте. Рассказал, как выживал, как упал в реку, как боролся с течением и как оказался на берегу. Он выложил всё, кроме одного: воспоминаний о своей жизни до пробуждения в трясине. Ему пришлось соврать. Возможно, и не стоило, но парень понимал, что в историю про двадцать первый век и ипотеку ему всё равно никто не поверит. Это была ложь во спасение. Он просто сказал, что ничего не помнит до болота.

Речь звучала гулким эхом. Никто не смел прервать её посторонним шумом. Только один эльф поодаль, судя по всему, быстро переводил его слова на язык лесного народа.

Едва Олег замолчал, пятнадцать присяжных за длинным столом начали обсуждение. Доселе спокойная, немного шаманская их речь стала похожа на бой барабанов и зов горна, а сами эльфы превратились из важных павлинов в боевых петухов — казалось, ещё чуть-чуть, и они начнут объясняться на кулаках. Но до этого не дошло, всё затихло так же резко, как и началось. Один из присяжных передал какой-то свиток за соседний стол.

Старейшина Рэнделя, которого Олег уже запомнил, прочитал написанное на пергаменте, встал и объявил вердикт:

— Я, Старейшина города Рэндель, изрекаю волю присяжных и глас народа эльфов. Сей человек признан невиновным в умышленном нарушении границ Великого леса. В шпионаже не признан виновным. Его появление под сенью наших деревьев признано слепой случайностью и волей рока. Собранный совет освобождает его от кары. Тяжба окончена, ибо вины его пред нами нет.

Старейшина выдержал короткую паузу, и его взгляд стал ещё более холодным:

— Теперь я говорю как член Совета старейшин. Ты не совершил преступления, но остаться здесь всё равно не сможешь — Великий лес не место для чужаков. Завтра вечером крайний срок, чтобы покинуть наши пределы. Проводники укажут путь к границе.

Сказать, что Олег был рад — это как назвать Фенрира послушной собачкой. Того самого волка, который в мифах верхней челюстью доставал до неба.

К нему подошли стражи. Знакомый капитан тоже был рад. Он, конечно, пытался скрыть эмоции, но предательские уголки его серых глаз выдавали всё.

— Ну что, человек, ты, я вижу, рад. Конечно, рад, чего это я, — хмыкнул он. — Пошли обратно, тебе ещё день надо будет отсидеть в хижине лекаря.

Бывший подсудимый ничего не ответил. Только маленькая, незаметная слеза, скатившаяся по щеке, являла миру то, что переполнившие Олега чувства вышли наружу — внутри им уже не хватало места.

Глаза завязывать не стали, видимо, решили, что теперь незачем. Олег наконец смог рассмотреть происходящее вокруг. Опять замелькали дома на деревьях и подвесные мостики, но теперь в них не было пугающей пустоты. Жизнь била ключом в этом эльфийском городе, и брызги её разносились вокруг удивительным пением. Если бы гортань людей была дерзкой гитарой, то у эльфов это была бы прекрасная, утончённая арфа.

Только сейчас Олег вспомнил, что его смущало в капитане и других конвоирах. До этого момента он не мог сформулировать мысль, но теперь его осенило: «Да у них же голоса нежнее, чем у некоторых людских женщин!»

Он попытался незаметно разглядеть кадык капитана. Ровная шея. Посмотрел на других — та же ситуация.

Капитан перехватил его взгляд и с усмешкой спросил:

— Ты что, влюбился в Сэвсара? — и громко рассмеялся.

Один из стражей что-то проворчал на эльфийском. По интонации было похоже на: «Да надоели вы уже с этой шуткой».

Олег вспомнил: точно, ведь с этим Сэвсаром они дрались в хижине. В шлеме его было не узнать. Парень весело подмигнул притихшему бойцу.

Капитан, казалось, после этого готов был лопнуть от смеха. К нему подключился и второй конвоир, а затем и сам Олег. Лишь Сэвсар что-то злобно бубнил себе под нос на эльфийском.

И, так весело пересмеиваясь, они шли до самой хижины. Олег опять потерял счёт минутам. «Что за проделки духов?» — подумал он и решил спросить прямо:

— А далеко ли мы от зала собраний, в котором был суд?

— Примерно тысячу шагов, — ответил капитан.

— Я просто никак не могу понять, сколько мы идём. Как будто ощущение времени и расстояния здесь неправильные.

— Не волнуйся, это у всех чужаков так поначалу. Это духи. Их защита леса.

— Слушай, я только сейчас понял, что не знаю никого из вас по имени, кроме Сэвсара.

Капитан опять отшутился про любовь, все ещё немного посмеялись, но, когда успокоились, он произнес:

— Моё имя Саринон. Оно означает «светлый».

Следующий страж тут же добавил:

— Хевларон. Это моё имя, оно означает «владыка горы».

Капитан снова перехватил инициативу:

— А моё коренное имя — Окчисарон. Что означает «страж света».

Олег расслышал это как Ёкчисарон.

И, не оставляя паузы, опять заговорил Хевларон:

— А вот моё коренное имя — Тусейинон.

— Как? Тусейинон? — переспросил Олег.

— Да, это означает «воинственный».

— А это Сэвсарон, — капитан кивнул на третьего. — Если коротко, то Сэвсар или просто Сэв.

— Я и сам могу представиться! — огрызнулся тот. — Моё имя значит «видящий свет», а коренное — Рохсарон, «гнев света».

— Эй, Сэв, нехорошо обманывать, ха-ха! — рассмеялся капитан. — У тебя ещё нет коренного имени, маленький ещё. Вот заслужишь, тогда и получишь. А пока для нас ты просто Сэв.

Сэвсарон в отместку попытался древком копья ткнуть капитана в стопу. Тот, смеясь, легко увернулся. Олега вся эта утончённая перепалка начала понемногу подбешивать.

«Свои имена они, значит, рассказали. И значение, и обычное, и коренное. Осталось ещё биографию родителей выложить. Я уже запутался, блин! А моё имя им, выходит, вообще до лампочки?!» — Олег почувствовал, как закипает.

— Тусейинон — это потому, что я хоть и родился в храме... — не договорил Хевларон, потому что Олег резко выкрикнул:

— My turn!

— Что, Колючка? Ах-ха-ха! — прыснули стражи. — А тебе подходит! Или...

— Нет, нет, — попытался остановить их человек. — Не Thorn, я имел в виду turn. Очередь моя.

Когда эльфы успокоились, Олег вздохнул и продолжил:

— Меня зовут Олег.

— Олйэг? — попробовал на вкус слово Сэвсар.

— Олэг, — поправил Олег.

— А что это значит? — спросил капитан.

— Ничего. Просто так, — ответил Олег, понимая, что всю жизнь до этого момента он не знал, почему именно этот набор букв обозначал его.

— Странно. Это неправильно. И имя неудобное. Торн намного лучше — хотя бы смысл понятный и звук привычный.

— Ну, пусть будет Торн, — сказал человек, думая о том, что это имя сейчас лучше всего описывает его внутренний переворот.

На этом они разошлись. Торн зашёл в хижину, открыл окошко для переговоров, рядом с которым сел Хевларон, а сам прилёг на травяную кровать. Капитан и Сэвсар ушли по своим делам.

И уже бывший Олег уснул под рассказ о том, как ребёнок, рождённый в горном храме, смог выбраться, стать воином и получить за это имя Тусейинон, что значит «воинственный».

Бах! Даже сквозь сон он услышал этот звук — как дерево ударило по дереву, и следом раздался лёгкий, едва уловимый костяной звон. Первобытные инстинкты, работавшие, когда люди только спустились с деревьев, безотказно сработали и теперь. Один резкий, чужой шум — и тело уже готово сражаться или бежать. Бежать было некуда, поэтому Олег вскочил на ноги, перехватил тяжёлую костяную кочергу, стоявшую возле очага, и весь обратился в слух.

— Иса ава ва шэл? Анахюри тул ахюш ол лиэлор, — донёсся тихий шёпот из-за двери.

— Каай дешери хакто утэ?

— Тук варох! Ама наю.

Снаружи переговаривались три разных голоса, звучащих на лесном наречии. Через секунду раздался глухой стук — поперечный деревянный брус вытащили из пазов и уронили на пол.

— Ис кяммаилаон, батоон! — прошипел один из эльфов.

Дверь распахнулась, и в хижину ввалились пять эльфийских воинов, облачённых в чёрные плащи с капюшонами. Они прятали лица за плотной тканью — явно не просто так. Вооружены ночные гости были отменно: как минимум лук и меч у каждого. Один держал длинное копьё, у другого за спиной виднелись рукояти двух клинков. Назвать законопослушными членами этой компании точно было нельзя, и Олег решил действовать, пока преимущество внезапности не растворилось.

Одним прыжком он сблизился с ворвавшимися эльфами и обрушил на крайнего мощный горизонтальный удар, целясь точно в голову.

Глава 5. Чем больше сила, тем меньше спорят.

— Ахю! Вао ама! — истошно прокричал один из ворвавшихся.

— Амада, амада, номор! — хором подхватили остальные, в панике разбегаясь от Олега по всей хижине.

Здоровяк с кочергой наперевес заслонил собой единственный выход, и эльфы метались по углам, как испуганные воробьи. Наконец кто-то из них, прижатый к сундуку, отчаянно выкрикнул на всеобщем:

— Стой, стой, Торн, это мы! Это друзья! — и тут же сердито добавил, оборачиваясь к своим: — Ба-батоон! Са немин ва! Утэ унто!

Олег замер, тяжело дыша, но кочергу не опустил. Перевод в голове сработал мгновенно.

— Что вы сказали? Кто это?

— Это же я, Сэвсарон! Успокойся, мы пришли с миром, — эльф поспешно поднял открытые ладони, а потом похлопал стоящего справа от него товарища по плечу: — А это Саринон.

Они медленно вышли на тусклый свет гаснущего очага, на ходу стягивая маски и скидывая капюшоны. Только увидев знакомые лица, Олег наконец опустил своё грозное оружие.

Небольшая пауза повисла в воздухе перед тем, как вся банда принялась так яростно хохотать, что один из эльфов даже повалился на шкуры, держась за живот. Когда все наконец просмеялись, Олег спросил с напускной злостью:

— Что вы, чёрт возьми, тут делаете? Что вообще устроили?

Вместо ответа лесные партизаны опять прыснули. Успокоившись уже во второй раз, медленно вдыхая и выдыхая, чтобы погасить новые приступы смеха, Сэвсарон ответил:

— Собирайся, у нас мало времени. Мы пришли тебя спасти, остальное расскажем по дороге к ручью.

Тут же Саринон — тот, что доселе оставался капитаном в мыслях Олега, — крепко потянул здоровяка за предплечье по направлению к выходу.

— Подождите! — вырвался Олег. — Объясните толком, что здесь происходит?

— Ох, — тяжело вздохнул Саринон. — Слушай, тебя завтра должны были тихо прирезать прямо на выходе из города. Списать всё на хищников или разбойников, которые иногда заходят на край чащи, — Старейшины любят чистые руки. Но по велению рока мы как раз сегодня собирались покинуть лес. Нам надоела эта изоляция, трусость старейшин и устаревшие догмы. Так что берём тебя с собой — ты чертовски понадобишься нам в землях людей.

— Так вам что, нельзя покидать лес? — не сразу понял Олег.

Вся банда в чёрных плащах синхронно повернулась и взглянула на него с таким выражением лиц, словно человек, предвкушающий сочное барбекю, пришёл на праздник и только на месте осознал, что это вечеринка веганов.

Капитан Саринон первым справился с изумлением, снисходительно качнув головой:

— Эльфам Лиэль запрещено выходить к людям под страхом изгнания и вечного забвения, Торн, — тихо, но жестко пояснил он. — Для старейшин внешний мир — это скверна Ордена. Но мы свой выбор сделали. Дверь открывай, только без шума.

Овальную створку Олег толкал очень медленно, но дерево заскрипело, как ржавая телега. Он никогда не видел ржавых телег вживую, но представлял этот скрип именно таким — пронзительным, режущим уши визгом сухого металла. Саринону эта возня быстро надоела. Капитан подошёл и одним коротким, плавным движением настежь распахнул проём.

— Хе-хе, — смущённо выдавил Олег. — Да... так звуков действительно меньше.

— Всё, бежим. Никто и не ожидал от тебя, Торн, навыков шпиона с такими-то габаритами, — прошептал Сэвсар.

Партизаны коротко поулыбались и слаженным чёрным потоком рванули в сторону реки. Все, кроме Олега, который так и остался стоять на пороге.

— Парни, парни, я не вижу вас! Вы где вообще? — шёпотом умолял он непроглядную пелену впереди, аккуратно размахивая руками перед собой.

Человеческий глаз в этой лесной ночи был абсолютно слеп. Зато эльфы с их кошачьими зрачками ориентировались в темноте вековых секвой во много раз лучше, как настоящие ночные хищники.

— Держись за меня, — раздался голос прямо из ниоткуда. Чья-то узловатая ладонь перехватила его запястье и настойчиво потянула вперёд.

Так короткими перебежками, они прорывались сквозь чащу. Вскоре впереди показалась река — она ярко сверкала серебром в лунном свете, словно прорезая чёрное полотно лесной тьмы. Теперь Олег видел хотя бы ориентир. И даже так он умудрился ещё раза три упасть, пока их маленький отряд не достиг берега.

От хижины до места назначения было около трёх тысяч шагов или двадцать минут быстрой ходьбы. Каждые пятьсот метров эльфам приходилось останавливаться и общими усилиями поднимать Олега с земли. Но никто не ворчал.

— Тяжело людям в ночном лесу. Совсем как ребёнок, — сказал Сэвсар.

— Да как вы вообще что-то различаете, — негодовал Олег. — Я вижу только реку.

Когда они подошли к воде, стало светлее, тут Олег уже мог ориентироваться самостоятельно. На берегу их ждали лодки и еще пять товарищей по побегу. В ту же секунду рядом раздался оглушительный рёв неведомой эльфийской трубы, разнёсшийся эхом по всему лесу, и ему вторили такие же где-то в глубине чащи.

— Это тревога, все по местам, живо! — прокричал Саринон.

Рядом упала первая одинокая стрела. Не долетевшая до беглецов, она стала предвестником массированного обстрела. Стрелы жужжали, шуршали, как злые насекомые, но не доставали. Все уселись в шлюпки по двое, только Олегу выделили отдельную.

— Быстрее, работаем вёслами! — скомандовал капитан.

Все похватали вёсла и, чуть не разрывая жилы, стали грести. Откуда ни возьмись на берегу появлялись эльфийские стражи: слева, справа, сверху — казалось, что ещё немного, и начнут вылазить из-под земли. Река своим ровным, но быстрым течением добавляла скорости и так уже разогнанным рьяной греблей челнокам. Так что злые снаряды, пущенные эльфами, с коротким бульканьем тонули, так и не достигнув цели.

— Тэт анри тэх. Ам йаэе ун тинри, — произнёс кто-то из впереди плывущих.

Олег посмотрел на Саринона. Тот, увидев недоумение Олега, перевёл на всеобщий:

— Он не ожидал, что будет так легко.

— Ясно. Я так понимаю, не все из вас знают всеобщий, — сказал Олег. Он так и не разгадал загадку, почему тут всеобщий — это английский. Пока не разгадал.

— Ты прав, некоторые готовились к выходу в мир людей долго и учили язык специально, но это только пятеро из нас, — объяснил капитан.

Уже светало. Гребцы успокоились и перевели дух, размеренно подгоняя суденышки.

Отряд успевал переговариваться друг с другом, слышна была радость в голосах и облегчение — неужели всё закончилось?

Веселье прервал звук спускаемых на воду лодок — все обернулись, всматриваясь туда, откуда шёл шум: прямо по курсу две маленькие галеры на десять–двенадцать мест с эльфами пытались перерезать им путь. Благо река в этом месте разливалась широко, и от берега до середины было не меньше трёхсот метров.

— Тэт ё-ёкчион ха экчила. Ути та ама еря чэк мюор, — сказал Сэвсарон.

Саринон посмотрел на Олега и сказал:

— Уж извини, наш язык не знаешь из компании только ты. Он сказал, что нас пытаются перехватить. Поэтому греби что есть сил.

Пока капитан это объяснял, остальные рванули что есть мочи, оставив Олега далеко позади, даже Саринон вырвался вперёд.

«Ну что, новое тело, давай, не подведи», — с этими мыслями Олег налёг на весло, что было сил.

Такой мощи не ожидал никто. Отсутствие техники компенсировала грубая, почти звериная сила. Деревянная лопасть буквально стонала каждый раз, загребая влагу, а мощные шлепки были слышны по всей округе.

Отряд обернулся. Три взмаха — и Олег почти нагнал товарищей, которые разве что рты не пораскрывали от удивления. И на четвёртом эпичном движении, сразу как только инструмент опустился в воду, он с жалобным стоном переломился пополам.

Эльфы хохотали абсолютно все. Жители леса, привыкшие к грации и скорости, впервые столкнулись с такой грубой, всесокрушающей энергией — это было для них одновременно пугающим, завораживающим и смешным. Но расслабляться некогда. Сэвсар, единственный, кто уже сталкивался с этой силой, кинул Олегу запасной инструмент.

— Держи, Медведь! — сказал он, широко улыбаясь. — Смотри, это не сломай, у меня другого нет.

Олег взглянул на подарок. Древко было намного толще предыдущего и тяжелее, а сама древесина ощущалась невероятно плотной.

— Вот это я понимаю, не то что ваши хрупкие игрушки, — усмехнулся Олег. — Спасибо, Сэвсар.

— Теперь цепляйтесь, неженки, сейчас полетим! — смеясь, выкрикнул Олег.

Эльфы быстро сообразили, что нужно сделать, и выстроились в цепочку, цепляя челноки друг за друга толстыми чалками. Как только всё было готово — а это заняло пару секунд, — Олег упёрся ногами в прочные шпангоуты и налёг на дубовое весло. Выступая в роли живого локомотива, он потянул речной паровоз, вспенивая воду как настоящий спортивный катер.

Такой скорости перехватчики точно не ожидали. Один, тот, что просто стоял на баркасе и смотрел на отряд Олега, стал бегать по палубе и размахивать руками.

Суда преследователей ускорились, видно было, что их гребцы тоже не зря свой хлеб едят.

Послышался всплеск — Олег заметил, как двое из отряда спрыгнули в воду и поплыли по направлению к вражеским кораблям. Некогда было спрашивать зачем, нужно держать дыхание и работать на пределе.

Расстояние быстро сокращалось, хотя Олег и увел плавучую сцепку немного в сторону от преследователей. Уйти нереально. Не успел Олег отчаяться, как первая вражеская галерка резко, на полной скорости развернулась так, что часть гребцов попадала в воду, а корма почти зачерпнула немного влаги. Второе судно ничего не успело предпринять и протаранило своих союзников, там началась настоящая паника, кто-то агрессивно кричал на эльфийском непривычные рубленые слова, кто-то спасал утопающих. Про маленький отряд, проскользнувший мимо, уже никто не вспоминал. Через некоторое время двое пловцов вернулись в свои шлюпки и начали рассказывать в подробностях, как они провернули блестящую диверсию с заклиниванием рулевого весла и как матерился командир противников.

— Иса а-ахмэсмаилаон ба-батоон, ля-лякумон миконэль! Иса дич са плурит хабсэн ол илла. — спародировал его один эльф и все засмеялись.

— Вы криворукие идиоты, сыны волчицы! Вы теперь на веслах будете умирать всю жизнь! — перевёл для Олега Сэвсарон.

Дальше сплав продолжался без приключений, и примерно в полдень весь речной караван причалил к берегу, чтобы подкрепиться и отдохнуть. Лодки затащили на берег и замаскировали ветками.

Сами зашли поглубже в лес. Чтобы не выдавать себя дымом и огнём от костра, выбрали деревья с густыми кронами, так дым будет рассеиваться, а для пущей безопасности выкопали две ямки, соединённые между собой наклонным туннелем. В одной развели костёр, а вторая выступала в роли поддувала.

Дыма совсем не было, и от этой инженерии лесного народа Олег пришёл в полный восторг.

Глава 6. Тень кроны.

Пребывавшие ранее в режиме выживания члены отряда теперь расслабились, и копившиеся до этого эмоции наконец нашли выход. Именно поэтому, сбрасывая всё напряжение, все страхи и тревоги, эльфы и Олег шутили и смеялись, прерываясь только на пережёвывание похлёбки от мастера кулинара Саринона, который не только успевал готовить, но и выступал в качестве переводчика для Олега.

Вокруг щебетали птицы, восседая на ярко-зелёных, могучих деревьях. Солнце почти не пробиралось сквозь их густые кроны. Запах костра напоминал Олегу далёкое детство, как они с отцом топили баню у бабушки в деревне, как собирались вместе за большим столом и рассказывали истории, смешные и грустные, страшные, разные. Но всегда было весело. Иногда они пели все вместе, кто как умел, — невпопад, не в тон, но от этого веяло теплом и уютом, — никто не осуждал, все были счастливы, и мама ласково обнимала его, приговаривая: «Мой воробушек». Слёзы беззвучно покатились по щекам Олега, и что-то защемило в груди, словно два подлых диверсанта вбивали туда клин. Шум у костра вернул его в реальность.

— Смотрите, я дикий медведь с веслом! — сказал Сэвсар, карикатурно изображая Олега, ломающего весло, и отряд снова грохнул от хохота. У кого-то похлёбка пошла носом, и компания переключилась уже на него. Вообще, центральными фигурами у костра были трое — конечно же, Олег и два диверсанта, спасшие всех и опрокинувшие галеры преследователей, — Наринон и Тирарон. Их имена означали «Величественный» и «Владелец тени» (или хозяин, в общем, тот, кому принадлежит тень).

Два храбреца-диверсанта в красках рассказывали, как они провернули эту величайшую операцию. Про Олега тоже не забыли, ведь именно он сделал операцию возможной, взяв на себя всю тяжёлую работу гребца: эльфы по очереди ощупывали толстенные руки великана, потом интерес переключился уже на саму диверсию и истерику командира преследователей.

Пока все громко обсуждали подвиг этих двоих, Олег подсел поближе к капитану и наблюдал за тем, как тот готовил отвар из трав, ягод и маленьких страшных корешков, похожих на сушёные грибы. Запах был невероятный: пряный, с мятными нотками, в котором слышались тонкие оттенки ягод и хвои — чем-то напоминающий глинтвейн.

Саринон зачерпнул смолистого питья из котелка и протянул кружку Олегу. Горячий и слегка вяжущий на вкус, напиток напоминал глинтвейн лишь отчасти — привкус сухофруктов с добавлением корицы и чего-то ещё, что бывший инженер из Подмосковья не смог разобрать, звучал немного непривычно в этом сочетании.

Этот взвар разливался по телу мягким бархатным теплом, согревая изнутри и исцеляя душу; казалось: ты снова дома, в своей квартире, где тихонько попиваешь травяной чай в кресле, укрывшись пледом.

Но вот Олег открыл глаза и снова оказался в сочном зелёном лесу: вокруг — шум деревьев, треск костра, смех и шутки эльфов, местный чай непонятного состава и пение птиц.

— Торн, Торн, — позвал Саринон и помахал ладонью перед глазами Олега. Тот ещё не привык к тому, как его называют эльфы, но вышел из задумчивости и посмотрел на капитана.

— Тебя что-то тревожит? — спросил тот.

— Да… — Олег хотел было добавить «нет» по привычке, однако понял, что его тревожит абсолютно всё, и капитан — первый тут, с кем можно было бы поделиться. Поэтому он продолжил: — Да, тревожит, не знаю даже, с чего начать.

— Начни сначала, — подсказал ему Саринон.

И Олег рассказал всё — от пробуждения на болоте, как чуть не был проглочен чёрными топями. Как встретился в лесу с непонятными животными и ему пришлось спасаться в реке, как впервые в жизни сдался и смирился со смертью. Как его отвергли эльфы на берегу, и он

не выдержал снова. Как проснулся в хижине. Про битву с Сэвсароном, про то, как думал, что его сделают шпионом и казнят. Потом сделал паузу и добавил:

— Я помню свою прошлую жизнь. Я жил совсем в другом мире, и там не было ни эльфов, ни магии. И как оказался в этом болоте, не знаю. На вид мне лет двадцать пять, но нет памяти о том, как прошли эти годы здесь. — Олег закончил и пристально смотрел на капитана, у которого по мере рассказа глаза становились всё шире от удивления.

— Таких случаев я не слышал никогда, хотя это очень похоже на гнусную тёмную магию Ордена. Я бы начал искать ответы оттуда, проблема в том, что они закрылись на полуострове и не пускают чужаков за ущелье Врат ни за какие деньги. Прокрасться невозможно — это смерть. Чтобы пробиться силой, нужно объединённое войско трёх королевств, и то может не получиться.

— Тогда как мне быть? — с грустью в голосе спросил Олег.

— Я не знаю, — честно ответил эльф. — Давай для начала доберёмся до Гретира. — И Саринон достал потрёпанную карту. Олег улавливал в ней знакомые черты, но не понимал, какие именно. Тогда он решил спросить:

— Послушай, вот вы разговариваете на всеобщем, но я помню, что в той другой жизни тоже был этот язык, только называли мы его английским.

Капитан резко поднял взгляд от карты на Олега и смотрел так, как будто только что увидел его в первый раз.

— Древние книги из храма Лиэлун. Я видел их только один раз, когда забирал тайно скопированные моим знакомым жрецом тексты для изучения всеобщего языка. Там была книга с этой надписью, и в копиях на первой странице — аналогичное слово. На самом деле мы не знаем, насколько правильно говорим на нём. Поймут ли люди в Гретире нашу речь?»

— Думаю, всё это как-то связано, — сказал Олег. — Для меня вы говорите немного странно, однако я вас понимаю хорошо, значит, скорее всего, это один и тот же язык.

Саринон согласно кивнул и добавил:

— Однако нашим книгам тысячи лет. А теперь смотри… — Он достал из подсумка какой-то пергамент и разложил его поверх карты. Там на обычном английском языке двадцать первого века было написано следующее:

Книга Хроник Братства: Orbis Terrarum

Книга II Легенды

Раздел 5. О мере, что зовётся Айум

Из потаённых свитков Приюта Последнего Рассвета. Начертано рукою безымянного послушника в неуказанное лето. Текст оставлен для назидания и страха.

I. О том, что есть истинная мера

В крови Проснувшихся пульсирует великая сила. Мы привыкли называть её Айум, но в залах Цитадели наставники учат нас: Айум — это не сама сила, а её строгая, нерушимая мера.

Как локоть служит мерой для сукна, как медная чаша измеряет зерно в амбаре и как шаг мерит пройденный путь — так и Айум исчисляет лишь то, сколько её даровано плоти. Не природу эффекта, не форму, а исключительно его количество.

И у каждого, чьи ворота были взломаны Орденом, есть своя мера. Свой невидимый потолок. Свой внутренний сосуд, до краёв которого кровь способна напитаться энергией.

Один брат может поднять из земли гранитный валун, другой — опрокинуть кавалерийскую телегу, третий — сокрушить целую гору. Но никто, даже самый преданный Братству мастер, не способен выплеснуть во внешний мир больше, чем в нём самом заложено природой его Ворот. Потолок — это предел. Предел — это непреложный закон. А закон карает смертью всякого, кто дерзнёт его нарушить.

II. О силе, что копится годами

Эта мера не остаётся неизменной — она растёт, но растёт медленно, мучительно, годами и десятилетиями.

Как вековое дерево копит годовые кольца под корой, как лесная река веками вымывает своё глубокое русло и как суровая жизнь оставляет морщины на лице человека — так и Айум копится внутри плоти. Год за годом. Слой...

***

Здесь пергамент оборван, а последние слова заляпаны въевшейся грязью так, что не разобрать.

— Это мы изъяли у одного разбойника, который решил зайти в нашу рощу, — сказал капитан, убирая свиток обратно. — Написано, как ты заметил, на том же языке, что был тысячелетия назад.

— Написано на чистом английском и написано недавно. Но как такое может быть? Откуда тут вообще взялся этот язык и почему он не изменился за века?

— А вот тут, мой друг, я не имею никаких предположений. Вообще-то я надеялся, что ты мне подскажешь или поделишься умной мыслью.

— Да какие тут мысли? Ты о чём? У меня каша в голове. Дай лучше ещё своего варева — оно силы придаёт и согревает, — с этими словами Олег протянул кружку, и Саринон плеснул туда местного глинтвейна.

— Только никому не говори: ни про свиток, ни про копии текстов, — наклонившись к уху человека, шепнул Саринон.

— Понял. Могила.

— Какая могила? — нахмурился эльф.

— Да блин! Это значит «обещаю молчать». У нас так говорят, — Олег махнул рукой. — Обещаю. Никому не скажу.

— А, ясно. Запомню.

— Ты лучше скажи мне, Саринон, вот что: что за Айум такой и что значит «Орден взламывает ворота»?

— Айум — это мерзкая, противоестественная сила, которую Орден вживляет человеку, — и именно этот ритуал они и называют «взломом ворот».

— И что, кто-то из них действительно может сокрушить гору?

— Про такое я не слышал, но один Адигат смог расплавить степной песок, превратив всё вокруг в огромную мёртвую пустошь чёрного зеркала.

— Слушай, друг, не кажется, что ты слишком много знаешь, для того, кто сидел в изоляции?

— Это верно подмечено, но неужели ты думал, что мы первые и единственные эльфы, сбежавшие из Лиэля?

Олег застыл в ступоре, словно мозг, пытаясь обработать только что поступившую информацию, отсеял лишнее и направил все силы на анализ. Постояв так секунду, Олег ответил:

— Честно, я вообще об этом не думал до этого момента. Для меня есть только вы, больше я никого не знаю в этом мире, и мне не важно, что у вас за тайны. Я просто хочу остаться друзьями, товарищами, теми, кто может положиться друг на друга.

— Торн, я рад нашей встрече и думаю, она была неслучайной. Таких случайностей не бывает под луной. Ты сейчас как один из нас, как настоящий воин леса, я это запомню, мы это ценим.

С этими словами капитан взял пустую тару у Олега и разлил отвар себе и ему, в этот раз абсолютно без жмыха и ягод, только чистый напиток.

— Да, я понимаю, что сложно поверить незнакомцу, который говорит странные вещи. Но мне хотелось, чтобы хоть кто-то знал, и не просто знал, а верил.

— В нашем мире такое — большая редкость, и это не то, что случается за пару дней. Ты показал себя как надёжный товарищ, но этого всё ещё недостаточно. Извини — древо начинается с семечки, но только по кроне узнаём его тень.

С этими словами Саринон встал и направился к своему спальному месту. Не оборачиваясь, он лёг поудобнее и практически сразу заснул, не обращая внимания на дикие пляски вокруг.

Глава 7. Чудовище.

Олега разбудил рано утром Сэвсар, который слегка охрип после вчерашних посиделок с пантомимами и безудержным смехом.

Эльфы вовсю готовились к отплытию: собирали вещи, закапывали костровую яму, двое убирали ветки и спускали на воду лодки.

Прошло совсем немного времени, и отряд был готов — челноки отчалили, пошёл второй день их дороги на Гретир.

Второй день прошёл без приключений и уже вечером отряд устроил привал на берегу. Третий день прошёл так же обыкновенно — те же лица, та же вода и гребля. Казалось, преследователи забыли про беглецов. На четвёртый день решили сплавляться до поздней ночи, чтобы после привала к обеду достичь долгожданного города.

Светало. Их небольшой, недавно собранный, но уже очень дружный отряд отдыхал на последнем привале перед Гретиром.

Следующий рывок закончится в городе, к которому они так стремились. Это создавало весёлую, расслабленную атмосферу. Казалось, даже искры отплясывают победный танец, а огонь греет нежно и не обжигает. Сушёное мясо удивительно таяло во рту, а вода из бурдюка стала особенно вкусной и освежающей. Никто не спал. Все были в предвкушении, рассказывали байки о лорде Гретира — мол, он просто разбойник, — и о том, какой это богатый город. Он стоял на пересечении всех дорог, как центр паутины. С севера, из королевства Рэдмарк, металл спускается вниз по реке и либо остаётся в Гретире, либо идёт дальше водой до моря Инланд, либо уже по земле — на запад в Мидфорт, на юго-восток в Сойм. А Сойм — это торговый город Ордена Адигатум, первое прикосновение их закрытого полуострова к материку, к обычным людям. Словно больному делают укол, и Сойм — игла, через которую Орден впрыскивается как яд.

Капитан Саринон как раз перевернул в костре прогоревшее полено, подняв сноп золотых искр, и открыл было рот, чтобы добавить очередную деталь к байке о жадности гретирского лорда. Но звук оборвался на полуслове.

Весёлый треск пламени внезапно исчез. Огонь не погас — он просто стал беззвучным, словно кто-то выключил звук у самой реальности. Искры больше не отплясывали, они замерли в воздухе, неохотно поднимаясь вверх. В ту же секунду Олег почувствовал, как вязкая, хтоническая тишина, с которой он уже сталкивался в своей хижине-тюрьме, тяжёлым одеялом опустилась на лагерь. Вода в бурдюке, ещё мгновение назад казавшаяся благословением, застряла в горле Олега ледяным комом. От костра больше не шло нежное тепло. Повеяло могильным холодом, от которого волоски на могучих руках встали дыбом.

Сэвсар, сидевший напротив Олега и крутивший в руках эльфийский нож, побледнел так, что его безупречное мраморное лицо в свете затухающего костра показалось посмертной маской. Рука эльфа дрогнула, и нож с тихим стуком упал на шкуру.

— Он здесь, — едва слышным, сухим шёпотом выдохнул Сэвсар. В его кошачьих глазах больше не было юношеского задора — только первобытный ужас загнанного зверя.

— Кто «он»? — Олег попытался сказать это твёрдо, но его новый, рокочущий голос прозвучал глухо, словно из-под земли.

Саринон не ответил. Он медленно, деревянными движениями поднялся на ноги, крепче сжимая рукоять своего меча. Остальные эльфы повскакали со своих мест, выстраиваясь в боевой полукруг, но в их позах не было уверенности. Их руки, способные без промаха бить на лету птиц, сейчас заметно дрожали.

Из предрассветного тумана, клубящегося у кромки леса, неторопливо, бесшумно соткался силуэт.

Он был выше любого из присутствующих эльфов — добрых два метра чистой, пугающей симметрии. Доспехи из антрацитового металла, переплетённые с живой, словно окаменевшей корой, казалось, поглощали свет костра. Но страшнее всего были его глаза. В них не было белков — две сплошные янтарные линзы, светящиеся тяжёлым, ровным золотом, в которых вертикальный зрачок замер, намертво зафиксировав цель.

Это был Вэйд. Последний Владыка Духов, которого старейшины отправили по души беглецов. От его присутствия воздух вокруг стал настолько плотным, что Олегу пришлось сделать усилие, чтобы просто вдохнуть. Каждое дерево в радиусе ста метров, казалось, склонило свои кроны в безмолвном поклоне перед этим существом.

Вэйд остановился в десяти шагах от лагеря. Его взгляд скользнул по молодым революционерам, даже не задерживаясь на их оружии, и остановился на массивной фигуре Олега. Когда Великий заговорил, его низкий, вибрирующий баритон ударил по барабанным перепонкам Олега, заставив внутри всё сжаться:

— Вы ушли далеко, дети луны, — произнёс Вэйд на всеобщем, и в его голосе не было ни гнева, ни торжества. Просто констатация факта. — Но Великий лес не отпускает тех, кто крадёт его тайны. И тех, кто приводит чужаков.

Сэвсар сделал шаг вперёд, закрывая собой Олега, и вскрикнул, пытаясь вернуть остатки своей гордости:

— Мы не шпионы! Мы просто хотим свободы! Лес должен дышать!

Вэйд даже не посмотрел на него. Он лишь слегка, почти лениво, повёл правой рукой в воздухе.

И в ту же секунду земля под ногами беглецов ожила. С чудовищным хрустом из-под мха взметнулись узловатые, толстые корни вековых деревьев, превращая мирный лагерь в смертельную ловушку.

Корни мёртвой хваткой опутали ноги эльфов и Олега. Но эта ленивая попытка задержать их на месте только всех раззадорила. Страх потихоньку перерастал в ярость. «За что? Почему? Мы же не преступники! Мы не хотим умирать, мы просто хотим жить!» — эти мысли лихорадочно крутились в голове, приближая тот самый последний момент, когда страх окончательно проигрывает. Наружу выходила первобытная, звериная, непреодолимая ярость. Человек внутри Олега перестал быть человеком. Эльф внутри беглецов перестал быть эльфом. Осталось только одно, дикое: «Я ПРОСТО ХОЧУ ЖИТЬ!» Но внутри сознания это уже не умещалось, и мысль превратилась в утробный звериный рёв:

— А-А-Р-Р-А-А!

С этим криком отряд вырвался из пут: кто-то с помощью ножа, а кто-то, как Торн, используя лишь чистую мощь. Все вместе они набросились на Вэйда. Казалось, он просто не имеет физического тела, уподобившись призраку. Одиннадцать бойцов били его по очереди и одновременно, но ни один удар не достиг цели. Тот, кто пробовал поймать пёрышко в полёте, сможет представить себе этот эффект. Олег пробовал. Он всё понял, и теперь его ярость мгновенно остыла. Страх, весело подмигнув, вернулся и снова занял собой всё его естество.

«Мы не сможем даже задеть его», — лихорадочно застучало в висках. — «Думай, думай, Олег!»

Тем временем Вэйд несколько раз расслабленно махнул руками, словно отгоняя назойливых мух. Результат был ужасным: весь отряд разлетелся в разные стороны. У кого-то, похоже, были сломаны рёбра, некоторые отделались разбитыми лицами. Олег держался за руку, которой успел прикрыться от удара, и чувствовал, как она бешено пульсирует и горит, пока адреналин ещё заглушал боль. Он встретился глазами с Сэвсаром и Сариноном, и кивком головы показал на костёр, к которому его отбросило ударом. Затем продемонстрировал, что у него в руках плоская, широкая, как лопата, доска, и жестами объяснил, что собирается сделать. Оба эльфа поняли и синхронно кивнули.

«Надеюсь, они разгадали мой замысел», — подумал Олег.

— Что, ты, человек, собираешься победить меня доской? — громко и самоуверенно засмеялся Вэйд. Он неторопливо повернулся и посмотрел на Олега.

— Нет, просто не только ты умеешь показывать всякие фокусы, — сказал Олег, опираясь на доску и тяжело вставая.

— Интересно. Ты уже едва стоишь, но до сих пор такой дерзкий. — Взгляд Вэйда на этих словах стал строже.

И как раз в этот момент Олег, используя доску как лопату, поддел костёр вместе с рыхлой землёй и всё это облако, этот горящий, взрывающийся искрами снаряд отправил в полёт прямо в лицо Вэйда.

Это дезориентировало Владыку всего на секунду или две, которые потребовались ему, чтобы выдохнуть с такой силой, что вся поднятая завеса вмиг испарилась. Затем он уклонился от доски, которой Олег пытался ткнуть в лицо Великого, отвлекая внимание, и, схватив её, выдернул из рук человека. Самоуверенность Владыки сыграла с ним злую шутку. Отчаяние и самоотверженность эльфийских бойцов превратили эту шутку в кровавую драму для всех. Эльфы облепили Вэйда: двое держали за ноги, один запрыгнул на спину, двое других перехватили руки. Неожиданно появился Сэвсар с ловчей сетью, а Саринон — с плотным, большим куском ткани, которым укрывался в походе во время сна. И сеть, и одеяло намертво накрыли Великого. Подбежал кто-то с верёвкой, лихорадочно обматывая эту живую гору из тряпок и эльфов, а затем истошно закричал:

— Бегите!!! Спасайтесь, кто ещё может!!!

До спасительных лодок оставалось пятнадцать шагов, которые Олег с выжившими преодолел в три прыжка. Он мчался так быстро, что слёзы брызнули из глаз. Ещё прыжок — прямо в челнок, который уже спустил на воду один из эльфов, ускользнувший в самом начале схватки. Он подготовил всё для быстрого побега. «Вот действительно часть отряда, дисциплина! Когда каждый знает, что ему делать, и делает», — пронеслась мысль в голове Олега.

Поток по инерции уносил лодку прочь от берега. Это заняло считанные мгновения, но Вэйд уже стоял на обрыве, натягивая тетиву.

— В воду!!! — истошно закричал Олег, надрывая связки так, что они едва не лопнули.

Все спрыгнули за борт.

— Переверните лодки! — уже сиплым голосом прокряхтел он.

Не все смогли это сделать. Двое просто не успели — их настигли стрелы, и тела подхватило течение, они мерно покачивались на волнах, плывя вдаль и уже ничего не боясь. Стрелы забарабанили по толстой, прокопчённой и просмолённой древесине, насквозь дырявя борта. Скоро этот деревянный дождь стих. Вслед за ним послышался голос Вэйда — ровный, тихий, словно он шептал прямо тебе в ухо сквозь толщу кипящей воды:

— Ам морич мууй лякум тори ис, Сэвсар. Исда нэр лын гургааэн ха бато лякумон. Ам дич та яхала хамэ иса. Бо тур ход: кюй мюор тен, — говорил он по-эльфийски сначала, а потом продолжил на всеобщем: — Лес закрыл за вами свои тропы. А ты, человек, как смел такое сделать? Тебя никто не тронул, никто не осудил.

Олег хотел ответить, но горло жгло, и звук не выходил из гортани. Через секунду Сэвсар уже кричал вместо своего друга:

— Вот, Великий, а не знаешь! Человека убить хотели сразу за воротами, как волка дикого или кабана. За то только, что старейшина Рэнделя в старости трусливым стал.

Повисла пауза. «Вали уже чудовище, просто уходи и не отвечай» — думал Олег, и ответа не последовало.

Глава 8. Трое из одиннадцати.

Олег вытянул двоих эльфов на берег, шипя от боли в руке. Он буксировал их от самой середины реки.

Сэвсар без сознания — стрела, пробившая лодку, теперь торчала у него из предплечья.

Саринон не реагировал на внешний мир, он провалился внутрь собственной души — шок от потери отряда сломал его. Только недавно все пили, ели и веселились, а теперь осталось только трое. Трое из одиннадцати.

— Капитан, очнись! Саринон! — Олег кричал и тряс эльфа. — Не время сейчас тупить!

Звонкая пощёчина вывела капитана из оцепенения, и он медленно перевёл взгляд на человека, просто смотрел, не издавая звуков. «Уже хоть что-то» — подумал Олег и стал опять трясти его, а потом повернул голову Саринона так, чтобы тот видел своего раненого собрата и сказал:

— Сэвсарон умирает, я не знаю, что делать! Неужели ты и его хочешь потерять?!

Глаза капитана, со взглядом мёртвой рыбы, снова приобрели блеск сознания. Он вполголоса забормотал:

— А... да, да, тут сейчас...

Он при этом бегал маленькими рваными шагами, шаря взглядом по земле вокруг, казалось, что он сошёл с ума. При виде этой картины Олег молча схватился за голову, и отчаяние уже запустило свои щупальца в его сердце. Но неожиданно оказалось, что капитан семенил не просто так: он нашёл странные травы, корешки и свой подсумок, свалившийся с него на берегу, достал оттуда вонючие и неприятные на вид мази. Потом он подошёл к раненому, наложил жгут из ремня, снятого с подсумка, обработал рану мазями, растёр в ладонях найденную траву с предварительно разжёванными корешками. Затем аккуратно, но быстро вытащил стрелу и залепил открывшееся отверстие этой дурно пахнущей жвачкой и травой. От боли Сэвсар пришёл в себя, яростно посмотрел на капитана, застонал, стиснув зубы, и схватил его за плечо здоровой рукой. Схватил, видно, сильно, — Саринон аж зашипел и, перехватив ладонь больного своей, тихонько убрал её на грудь Сэвсара, приговаривая:

— Тише, тише, всё с тобой будет нормально, сейчас надо отдохнуть.

Голос Саринона дрожал. Раненый снова отключился, но уже не так резко, как раньше.

Олег рассматривал свою руку — вроде не сломана, но горячая и непослушная, если сжимать кисть, боль простреливает до локтя. Это может подождать. Олег смотрел на Саринона с надеждой, что он не впадёт в безумие снова.

Капитан повернулся:

— Ну, что встал? Собирай сухие ветки, я найду ёмкость, где кипятить воду. Чистая вода сейчас нам очень нужна.

Олег и Саринон пытались спасти свой разум, отвлекаясь на разные задачи: это помогало хоть и ненадолго — забыть о недавней катастрофе, оттянуть неизбежное осознание — восемь путников из их отряда больше нет.

Казалось, сам лес, огибавший их с одной стороны, и поле напротив молчали, не смея нарушить тишину, — даже деревья замерли, а ковыль склонил серебристые перья, безмолвно оплакивая погибших.

Слышно только, как сухие ветки издевательски хрустят под ногами, перебивая тихий звон в ушах. Эти две вибрации резонируют, а хруст под ногами Олега напоминает звук, с которым Вэйд отбрасывает эльфов от себя. Он видит это снова: в голове прокручиваются фрагменты фильма, записанного на самую качественную киноплёнку, — память. Накатывает злость, потом грусть хватает её — и они кружат в танце, топча сердце Олега, как грязный потёртый ковер.

— Сука! — выцеживает Олег сквозь зубы и бьёт дерево кулаком. Потом ещё раз и ещё — и так, пока боль в костяшках не сгоняет пелену злобы.

Вынырнув из этого ужаса, Олег посмотрел на свои руки — веток не собрал, на левом кулаке с костяшек капает кровь, ладонь будто в огне.

Превозмогая себя, он стал собирать сухие ветки, боль и жар в ладони только помогали ему отвлечься. Пространство загустело, словно сироп, и Олег не помнил, сколько пробыл в лесу, собирая ветки.

Вернувшись, он увидел, что Саринон уже выкопал лунку и теперь обмазывает её жирной глиной с берега реки.

— Разводи огонь, не стой, — скомандовал капитан.

— Но я не знаю, как.

— Тогда иди обмазывай лунку глиной.

С этими словами Саринон забрал у Олега хворост и принялся складывать костер. А бывший инженер, стоя на коленях в грязи, обмазывал лунку глиной.

Вскоре всё было подготовлено: лунка обмазана, костер горит. Дальше Олег лишь наблюдал. Саринон взял часть углей и насыпал в ямку с глиной.

— Раздувай угли, чтобы больше жара было, — сказал Саринон.

И здоровяк стал дуть. Тем временем капитан взял кусок бересты и сделал из него подобие кулька, переложил из лунки угли обратно в костер, а на их место вставил полученную емкость. Другой квадратный кусок бересты, который был уже заготовлен, капитан начал складывать: с угла на угол, получился треугольник, углы у основания он загнул так, что они доставали краем до противоположной стороны — получился пятиугольник. Дальше он загнул два верхних язычка вниз, закрывая предыдущие слои, — теперь это была трапеция. А когда Саринон расправил изделие, раскрывая его изнутри, Олег понял, что это берестяной стакан.

«Такая простая вещь — всего пару сгибов, и готово: ни цеха, ни линии, ни рабочих, ни станков — ничего не надо. Всё просто и эффективно — и в этом красота. А мы ради стакана целые заводы строили», — погрузился в мысли Олег, уставившись на протянутый Сариноном этот шедевр из коры.

— Торн, не спи, натаскай воды из реки, я пока найду подходящие камни, — громко сказал капитан.

— Да, конечно, — встрепенулся Олег и пошёл за водой. Пока он носил воду, успевал подмечать, как эльф выбирал камни. И Олег копил вопросы. Как кулек в лунке заполнился водой, так и терпение Олега наполнилось до краев.

— Слушай, капитан, а почему ты сначала камни рядом положил, а потом уже в костер забрасываешь, а некоторые камни вообще пропускаешь?

Саринон поморщился на слове «капитан»: слово жгло его изнутри, но он спокойно ответил:

— О тоэярит! Торн, ты как маленький, я же сказал, нужно вскипятить воду, — капитан протянул Олегу тряпку. — Держи, будешь вытирать.

С этими словами он щипцами, сделанными на коленке из палок и лыка, — да что это за эльфийские фокусы, откуда он это всё достаёт — взял камень и положил его Олегу в тряпку.

— Оботри от пепла и клади в воду, — подсказал капитан.

Олег так и сделал. Пока он стоял и смотрел на булькающий камень, Саринон подошёл и сказал:

— Спасибо, тот удар действительно мне был нужен. Ты сам-то как?

И Олега стошнило — он только успел повернуться к ближайшему кусту. Это был ответ организма на всё пережитое за день, на смерти, на боль и отчаяние. Капитану хватило удара, чтобы прийти в себя, но Олегу, похоже, понадобится ещё не один день.

— Воды... Дайте воды, — послышался сиплый крик со стороны дерева, где лежал Сэвсар.

Саринон бросился к нему, на ходу крикнув:

— Торн, кипячение на тебе.

Олег очистился, и стало легче. Он вытащил щипцами камень из воды и понес обратно к костру.

— Только не бросай сразу в огонь — лопнуть может, сначала подсуши, — кричал капитан.

Пара смен камней — и вода закипела.

— Молодец, Торн, ты снова меня спасаешь, — решил приободрить человека Саринон, он видел, что сейчас больше всех помощь нужна Олегу, и его раны не вылечить травами.

Незаметно для маленького лагеря день уже клонился к закату. Они накипятили воды, Саринон сделал своих отваров и всех напоил. Сэвсар очнулся, его жизни теперь ничего не угрожает, самое страшное позади.

— Давай теперь ты, Торн, покажи свои руки, — с этими словами Саринон аккуратно взял Олега за запястье и посмотрел на разбитые костяшки, полил их отваром и намазал мазью.

— Что со второй рукой? — спросил капитан.

— Да все нормально, просто ушиб.

— Давай не геройствуй тут, я же вижу, что беспокоит, — сказал Саринон и потянул правую руку Олега. Аккуратно поворачивая предплечье вдоль его оси, капитан наблюдал за реакцией и в какой-то момент здоровяк зашипел и дёрнул руку.

— Не смертельно, но травма серьёзная: в кости трещина и ушиб тканей предплечья. Садись, пей пока отвар, я всё подготовлю, — проговаривая это, Саринон усадил Олега рядом с Сэвсаром и ушёл. Так они и сидели молча — никто не решился начать разговор. Капитан вернулся с толстым куском коры, двумя ветками и полосками ткани, сложил всё это рядом и стал хлопотать над рукой Олега.

— Как мы выжили? — Сэвсар словно ждал возвращения капитана.

— Спроси нашего спасителя, это он вытащил нас из реки.

Саринон закончил обматывать руку и взглянул в лицо Олегу. Тот бледный как моль, с трясущимися губами, начал говорить, заикаясь, и слезы хлынули, как река из глаз. Сквозь всхлипы здоровяка эльфы еле разбирали слова:

— Я... Я... Простите... Там ещё двое, я не мог.

Саринон приобнял одной рукой Олега за плечо.

— Тише, тише, Торн, ты сделал даже больше возможного, никто не вправе упрекать тебя. Чудо, что хоть кто-то выжил после встречи с этим чудовищем.

— Это все, кто остались? — уточнил Сэвсар.

— Да, нас было пятеро тех, кто добрался до реки, но двоих достали выстрелы. Не думаю, что они живы, — сказал Олег, собравшись.

Сэвсар злобно цыкнул, стиснув зубы.

— Проклятый пёс старейшин. Саринон прав, Торн, мы сотворили чудо. Такого ещё не случалось, если не считать слухи и небылицы.

— Почему ты так говоришь? И я слышал, как Вэйд назвал тебя по имени, Сэвсар. Я жду объяснений.

Саринон и Сэвсар посмотрели друг на друга.

— Торн, на самом деле Великий лес — это тюрьма для эльфов и никому нельзя входить и выходить свободно. А Вэйд...

— Сэв, отдохни и побереги силы. Торн, послушай: я лично доверяю тебе, ты спас нас дважды. Но то, что хотел раскрыть Сэвсар по своей молодецкой простоте, — это для тебя информация бесполезная по сути, а по последствиям смертельно опасная. У меня сложилось впечатление, что ты не любишь интриги и возню знатных родов. Теперь ты знаешь цену. Скажи,

хочешь ли ты знать? Если хочешь, то я отвечу без обиняков. Если нет, то услышишь только то, что не принесёт вреда.

— Да, чёрт побери, я хочу знать! — Олег вскочил и пнул дрова у костра. — Хочу всё знать за что умерли те восемь эльфов, за что я сам чуть не умер, зачем я спас ваши шкуры, и теперь ты мне говоришь, что, — Олег издевательски передразнил капитана: — «Опасно! Смертельно! Информация!» — Тьфу! — и он плюнул в костёр.

— А теперь говори всё и говори честно.

Сэвсар не пошевелился. Он только взглянул на капитана — коротко, без злобы: «Ты думал, что это сработает?»

А тьма уже доедала день.

Глава 9. Тот, кто боролся с небом.

— Я продолжу с того места, где меня перебили. Вэйд — мой кровный родственник. Для эльфов он символ, стихия, управляемая старейшинами; то, что у него вообще могут быть родственники — уже тайна. Теперь представь: кто-то узнает, что я правнук Вэйда. У меня и в лесу были бы проблемы, а так тем более. Вот какую информацию Саринон пытался скрыть. Лес держит многовековую изоляцию, и многим это не нравится. Не говоря уже про Орден, — закончил Сэвсар и повернул лицо к костру, наблюдая за огнём.

Олег посмотрел на Сэвсара так, будто увидел его только сейчас.

— Вот это я понимаю семейные ценности. То есть это твой родственник пришёл и почти весь отряд покосил? А вы, когда меня забирали, не могли сказать сразу — за нами будет охотиться катастрофа в эльфийском обличии? Я бы, может, тогда просто возле ворот дал дёру — было бы больше шансов выжить. А если он сейчас как раз уже перебрался через реку и идёт доделать то, что начал?

— Не идёт. Зачем тогда было уходить? И мы бы уже кормили рыбок. Поэтому успокойся. Что касается сказанного — в целом Сэвсар выложил всё как есть. Теперь, Торн, наши жизни зависят от тебя, и не только наши — весь Лиэль может пострадать. Я надеюсь, ты понимаешь всю важность этого знания и не растрепешь в ближайшем кабаке первому встречному, выпив лишнего.

Саринон твёрдо посмотрел Олегу прямо в глаза, как будто уже испытывал его.

— Успокойся, капитан, я вообще не пью такие напитки.

Олег расслабился и почувствовал впервые, что по-настоящему на равных с эльфами.

— Правда, я не совсем понял, кто такой этот Вэйд, кроме того, что он твой дед, Сэвсар.

— Прадед, — поправил его Саринон, — ладно, начну сначала. В мире есть всего двадцать шесть Владык, двадцать шесть великих сил, что способны в одиночку изменить ход истории. И Вэйд один из них — Владыка духов.

— Удивляюсь вашей изоляции, — усмехнулся Олег.

— Изоляция не значит, что мы ничего не знаем. Просто знания сложнее получить, и они не для всех. Даже корни иногда видят свет.

— Это как тот гад, про которого ты говорил? Тот, что расплавил степной песок.

— Верно, только не гад, а Адигат. Тот, кто расплавил песок, — Дравья, это имя такое. Он один из Владык, и не просто так: он Ишвариус по рангу — элита Ордена. Всего таких семь, и все они входят в список Владык. А есть ещё глава Ордена — Адхипекс. И говорят — он страшнее всех Ишвариусов вместе взятых.

— Подожди, подожди, я от этих названий совсем запутался. Есть Владыки, они что-то вроде самых сильных. А кто такие Ишариусы?

— Ишвариусы, с буквой "в". Это высшее звание в Ордене, после Адхипекса. Семь Ишвариусов — это как стихийные бедствия, это как семь Вэйдов. Адигат — это просто тот, кто умеет творить колдовство. Не все в Ордене это могут, есть и обычные солдаты, и у них свой командир — Адхимакс. Самый верх — Адхипекс, потом Ишвариусы и только потом Адхимакс. Первые две ступени даже в войнах не участвуют, всеми войсками командует Адхимакс. Это всё, что я смог узнать про Орден.

— Интересно. Получается, что восемь человек в списке великих из Ордена, если добавить Вэйда — девять, так оставшиеся семнадцать тоже из эльфов или из Ордена, но поменьше в звании?

— Всего из Ордена одиннадцать Адигатов. И ты прав, остальные ниже званием, о них — не сейчас. Ещё про двух ничего неизвестно, они боги, легенды, их никто не видел. Остальные тринадцать — вольные Владыки, каждый силён в определённых обстоятельствах.

— Не понял. Как понять — в определённых обстоятельствах?

Сэвсар подошёл и подбросил дров в костёр.

— Саринон, ты даже мне столько не рассказывал.

— Вот, теперь рассказываю, как раз сейчас тебе это нужно услышать. Так... Я отвечу на вопрос примером: есть в списке Владыка тумана — Ригна. Он слеп. Говорят — с рождения. Говорят — он видит языком. Говорят — он цокает и видит ваш звук, а вы в тумане не видите ничего.

— Это он, получается, как летучая мышь?

— Наверное. Я с ним с одного котла не ел. Я же не всеведущий. Откуда мне знать? Даже всех двадцать шесть не знаю.

— Откуда вообще этот список? Кто его придумал? — не выдержал Сэвсар.

— Я не знаю. Говорят, он был всегда, жил в слухах и сказках, а потом кто-то стал распространять свитки со списком Владык.

— Кто?

— Сэвсар, подожди, это не главное. Если этот перечень существовал всегда, то все уже должны были умереть, — подметил Олег.

— Кто придумал, не знаю, — отмахнулся Саринон. — Так Адигаты живут долго, как эльфы, а Ишвариусы, может быть, и дольше. Глава Ордена вообще, говорят, живёт уже тысячу лет. Так что они точно в списке давно, а вот некоторых добавили недавно, поэтому я их и не знаю.

— В смысле, список обновляется?

— Олег, ты как из семечка проклюнулся, конечно, обновляется. Каждый год печатаются новые и продаются дорого, такое развлечение у богачей.

— Точно, прям про Торна фраза, — засмеялся Сэвсар.

— И что это значит?

— То, что ты не знаешь ничего, — объяснил Саринон.

— Конечно, не знаю, я, по-моему, это постоянно вам повторяю.

— Да, я забываю про твою потерянную память.

Сэвсар протянул стаканчик Саринону, жестом показывая, что ему нужно налить отвар, и сказал:

— Пора заканчивать день. Что скажете, Саринон?

— Пора. Завтра, если начнём путь с утра, то к обеду будем в Гретире. Луна уже показалась — самое время провести ритуал поминовения павших, — озвучив намерение, Саринон встал, и за ним встали остальные. Тогда он продолжил:

— Мы запомним их имена, их лица, их отвагу. Они не дрогнули перед лицом великого, не попятились перед смертью, а пожертвовали собой, чтобы хоть кто-то мог жить. Хевларон был настоящим воином, именно он первым схватил Вэйда, не зря его корень — Тусейинон. Наринон имел величие не только в имени, но и в поступках — разве не великое дело потопить вражеские галеры. Тирарон не просто владыка тени, он тот, кто всегда безмолвно помогал и никогда не просил ничего взамен; он всегда был там, где нужнее, — он подготовил нам шлюпки для побега, поэтому мы живы.

Олег спрятал грустный взгляд, закрыв на секунду глаза. А тем временем Саринон продолжал:

— Яхасейон — именно его лодки позволили нам зайти так далеко. Туоринон — его огонь согревал нас своим теплом. Саринэль — светлая наша душа, даже сейчас её забота помогает нам, её травы лечат до сих пор. Дилинэль — наша лунная жрица; благодаря ей духи помогали нам на пути. И Мерсорон — лёгкий, как ветер, всегда впереди, всегда первый исследовал опасность, всегда рисковал собой для других.

— Я не забуду вас и надеюсь на встречу на великом озере, но не раньше, чем закончу то, что мы с вами начали, — пообещал Сэвсар.

— Совсем немного не дошли, буквально один шаг. Я разом приобрёл столько товарищей и через три дня потерял почти всех; теперь у меня есть только вы двое, — с горечью в горле прохрипел Олег.

— Ещё привыкнешь, ко всему привыкаешь. Главное — они теперь плывут в бескрайнем озере в самом начале вечного пути, — сказал Саринон, положив руку на плечо человека.

Саринон достал маленькие квадраты из бересты и протянул каждому по два, а себе оставил четыре. Олег посмотрел на эльфов непонимающим взглядом. Они сели и начали складывать что-то. Сэвсар взглядом пригласил Олега сесть рядом, и он сел, пытаясь повторять за капитаном, но руки болели и не слушались, каждое нажатие отдавало болью, и Олег непроизвольно шипел. Немного рукоделия — и восемь корабликов были готовы: Саринон сделал четыре, Сэвсар и Олег — по два. Всё происходило молча, и так же молча они пошли к воде. Саринон взял с собой горящую лучину и, прежде чем опускать кораблик на воду, поджигал его. Маленькие яркие огни уплывали вдаль, качаясь на тёмной глади реки. Ветра не было, и ничто не нарушало тишины этого момента. Даже звуки леса казались приглушённым, далёким эхом. Трое стояли и молча провожали горящие ладьи; выражение лиц выдавало их грусть о прожитых вместе днях.

— Пусть путь ваш проходит через множество островов, — закончил прощание Саринон.

Они так постояли ещё немного, пока последний огонёк не исчез.

— Я думаю, Сэвсар, теперь ты заслужил свой корень. Я свидетель. Но ты не будешь называться Рохсарон. Не гнев света ты, как хотел, а Гочнумэеон — борец с великим небом. Потому что бросил вызов самой небесной тверди и выжил. Торн, как второй свидетель, может не иметь своего корня. Всё по правилам. Гордись своим корнем — сейчас нет второго такого.

— Я недостоин такого имени. Моё выживание — это просто случайность вместе с отвагой наших братьев. Лучше совсем без корня остаться.

— Случайность только со стороны видится случайностью. Случайность — это только то, чему ты позволяешь стать реальностью. Дай лук новичку, и он промахнётся десять раз, но ты попадёшь все десять раз. Новичок попал один раз — это случайность, а если ты промахнулся один раз — тоже случайность. Две совершенно противоположные случайности, и между ними пропасть шириной в годы изменения шансов в свою пользу.

— Я считаю, Саринон прав. Сэвсар, это не то, от чего ты можешь просто отмахнуться, — сказал Олег, положил руку на плечо эльфа и продолжил:

— Пусть это имя будет напоминать о том, что их отвага спасла наши жизни.

— Да, я понимаю. Просто я хотел... Вернее, я не хотел получить корень так... После таких событий, — сказал Сэвсар и опустил глаза.

— Не всё идёт так, как мы хотим, даже если шансы играют за нас. Не упрямься, а то первым будешь дежурить, — усмехнулся Саринон и, разворачиваясь лицом к лагерю, толкнул товарища в плечо, а потом направился к костру. Олег ушёл следом.

И Сэвсар ещё долго стоял один и смотрел в темноту. Видно было — он размышлял о том, что вместе с полученным именем приобрёл и долг перед погибшими товарищами и обещание — их смерти не были напрасными. Возможно, когда-нибудь люди будут рассказывать своим внукам о том, как маленький отряд сражался с Великим и трое спаслись; о героях, которые навсегда остались на той поляне и в реке. С этими мыслями Сэвсар направился к остальным, а там уже раскладывали лежанки из травы и мха, поудобнее устраиваясь на них.

— Кто последний, тот дежурит, — улыбаясь, произнёс Олег, лежащий на травяной подстилке, и подмигнул Саринону.

— Хорошо, засыпайте спокойно. Вас будет охранять тот, кто боролся с небом и выжил.

Глава 10. Огонёк

Шорох, голоса. Кто-то зовёт какого-то Торна.

«Так Торн — это же я». Олег открыл глаза — было уже раннее утро.

— Капитан, ты что, не разбудил меня на дежурство?

— Мне нужно, чтобы ты выспался, Торн, и был полон сил. Я видел духа недалеко на опушке. Пойдём, я подлечу вас, пока он не пропал. Я хоть и не лекарь, но кое-что умею.

— И не называй меня больше капитаном, просто по имени, — добавил он после небольшой паузы.

— А раньше нельзя было подлечить, эта рука весь сон мне испортила? — возмутился Олег.

Сэвсар залил угли водой и ответил:

— Нельзя, конечно, мы не можем использовать ворожбу без поддержки духов.

— Торн, ты не проснулся ещё? Неужели ты думаешь, я бы мучил тебя и Сэвсара, если бы мог вылечить?

— Да, я, видимо, ещё сплю.

И они отправились туда, где Саринон видел духа в последний раз. Долго искать не пришлось: светлячок как будто ждал их всё это время. Оказалось, что одного духа недостаточно для полного исцеления всего отряда, поэтому подлечили понемногу — кость ещё побаливала, но отёк спал, и двигать предплечьем можно было намного свободнее.

Саринон, осматривая руку, сообщил:

— Ещё пять дней — и твоя рука окончательно заживёт, Торн. Сэвсару нужен один день. Что поделать, переломы срастаются долго.

— А почему нельзя вылечить перелом полностью?

Сэвсар и Саринон вздохнули, но выражения лиц говорили: тут ничего не поделаешь, придётся объяснять. И Сэвсар, уступив роль учителя, сделал пригласительный жест ладонью в сторону Саринона.

— Дух отдаёт часть себя для того, чтобы вылечить нас, поэтому он становится меньше, ты заметил?

— Да. Теперь, когда ты спросил, я припоминаю, что он стал меньше, а что?

— Дух может выжать себя полностью, и тогда он погибнет. Нам нельзя допускать гибели духов, это табу. Тем более духи помогают эльфам, и такое отношение к ним было бы несправедливо.

— Он потратил себя, потом восстановится сможет? А если его с собой забрать?

— Духи не могут жить вне леса, они питаются его энергией. Снаружи леса он просто умрёт и через несколько дней превратится в пепел.

— Получается, это последний отрезок пути, где у нас ещё есть магия?

— Для нас да, но, говорят, некоторые эльфы могут стать сосудом для духа, и тогда ворожба возможна и за границей деревьев Лиэля.

— Господи, да что тут происходит? Одни вопросы и ни одного ответа. Кто я? Что это за тело? Что за магия? Такого не может быть, потому что просто не может быть. Есть же физика, химия — есть. А как работают ваши магии? Самое главное — откуда вы все знаете английский язык, чёрт побери?

— Тихо, тихо, Торн, не нервничай — это не поможет тебе найти ответы, — успокоил его Саринон.

— Единственное место с ответами, которое я знаю, — это архив Ордена. Я тебе уже говорил об этом. Они собирают знания и свозят их на свой полуостров.

— Я помню. Просто, как туда попасть? Не представляю.

— Никто не представляет, — съязвил Сэвсар.

Олег повернулся к молодому эльфу и поднял бровь:

— Ты-то откуда знаешь?

Сэвсар криво ухмыльнулся:

— Да, это все знают, кроме тебя.

— Неужели никто не сбегал из Ордена?

— Конечно, сбегали, только никто из них не прожил достаточно долго, чтобы что-то рассказать. А если и прожил, то только потому, что был незаметнее мёртвого.

— У вас что, кроме Ордена никто ничего не знает?

Сэвсар решил хранить молчание и лишь беззвучно соглашался с Олегом.

— Знают. Я, например, сколько всего тебе рассказал, а всю жизнь прожил в лесу до этого момента. Но, скорее всего, даже в людских городах ты найдёшь лишь смесь слухов, домыслов и суеверий.

— Ты мне рассказал много всего, но только не то, что действительно важно. Я не поверю в этот Айум, пока не увижу и не разберусь в принципах работы вашего колдовства. Тут должен быть какой-то трюк, и я обязательно его найду.

Саринон пожал плечами, словно говорил: да, пожалуйста, я только поддерживаю, — и произнес:

— Ты же сам всё видел. Светлячок тянул свой свет к твоей ране, а мои руки были лишь проводником. Сам-то ты что почувствовал?

— Было странно тепло и щекотно внутри, как будто мурашки бежали под кожей.

— Какие букашки? — удивился Саринон.

— Подкожные. Мне так казалось. Ладно, неважно это.

— Раз неважно, то давайте уже выдвигаться в Гретир. Обсудим всё по дороге.

И они двинулись в путь. Два эльфа в длинных тёмных плащах, застёгнутых на изысканные фибулы. Под накидками скрывалась самая популярная в этом мире одежда: шерстяные штаны с подвязками и длинная льняная рубаха, подпоясанная на талии широким кожаным ремнём. Ремень был с карманами и сразу выполнял роль подсумка и кошелька.

Одежда Олега была попроще: без плаща, а ремень — без излишеств, просто тонкая кожаная полоска, даже без бляхи, завязанная на поясе; штаны и рубаха — как у эльфов. Единственное, что выглядело дорого у всего отряда, — это три пары высоких кожаных сапог эльфийской работы: за такие могли спокойно прирезать на обочине.

Дорога была скучной, пока из-за холма не показался Гретир. Стоя на небольшой возвышенности, они видели, что в городе суета. Не такая, какая бывает обычно в торговых городах, а предвещающая страшные события. Люди в спешке покидали город, кто-то на лошадях, кто-то в повозках, нагруженных вещами. Трое путников переглянулись. Первым не выдержал Сэвсар:

— Что это за паника у них?

— Будто ждут вражескую армию. Нам точно стоит туда идти? — засомневался Олег.

— Успокойтесь, оба. Наоборот, нам так даже лучше. В суете проще затеряться. Главное — попасть за ворота. Держи.

С этими словами Саринон протянул свой плащ Олегу.

— Зачем?

— Сейчас ты одет беднее всех. Выглядит так, будто ты ученик или слуга одного из нас. Будет подозрительно, если со стражами на воротах разговаривает слуга, а мы прячемся под плащами. Пойдёте вдвоём. Говорить будешь ты, Торн. Сэвсар не может снять капюшон, стражи сразу поймут, что он не человек. Покупаете мне плащ и встречаемся под мостом с этой стороны — переходить его я не буду: слишком много глаз. А теперь, Сэвсар, подойди.

Сэвсар подошёл, и Саринон ткнул его пальцем в лоб, оставляя бордовую точку.

— Эй, что ты сделал?

Олег пытался сдержать смех, но его всё равно прорвало.

Саринон сурово посмотрел на весельчака.

— Это не шутки ради. Отставить зубоскальство. Ещё спасибо скажете.

Договорив, он продолжил делать пятна из воска на лице и руках Сэвсара. Потом взял пластичную массу под цвет кожи, немного помял её и, отщипывая маленькие горошины, прилеплял их на середины бутафорских оспин. Когда Саринон закончил, Олег был приятно удивлён таким гримом.

— Саринон, да у тебя талант. А откуда воск, неужели ты прятал его всё это время только ради этого момента?

Теперь уже Сэвсар и Саринон смеялись над Олегом.

— Тихо, Сэвсар, тебе нельзя сильно двигать мышцами лица — грим отвалится. Я что зря возился? Хотя, конечно, это смешно. Торн, ты в сапогах ходишь. Думаешь, почему они не пропускают воду? А тетиву мы чем смазываем, по-твоему, чтобы она не лопнула и не впитывала влагу?

— А вот оно что, — догадался Олег. — Так воск носят абсолютно все.

— Ну не обязательно прям все, но лучники точно носят, — оставил свой комментарий Сэвсар.

— Я и забыл, что вы лучники, луков-то нет.

— Ну извините, что мы потеряли их в смертельной опасности, — вспылил Сэвсар.

— Так, успокоились оба, — прикрикнул Саринон и после тишины, повисшей ненадолго, продолжил. — А теперь шагайте в Гретир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.